

АННА АРХИПОВА

КНЯЖИЦА
ОЛЕКСА

История детства и отрочества Александра Невского. Это не биография, хотя я постаралась соблюсти все исторические реалии того времени. Это — история, втиснутая в "темные" года жизни Александра — то есть время, которое выпало из летописей и историки не знают точно, где он был и чем занимался. Я раскрасила эти годы, добавив к ним капельку сказочности.

Княжич Олекса. Сказ первый

Сказ первый

ПРИСКАЗКА

Весеннее солнце неумолимо закатывалось за крыши резных теремов, озаряя последними багровыми отблесками деревянные мостовые Переяславля-Залесского. Торговцы, выстоявшие день на на оживленных городских улицах, собирали товар в тележки, уже предвкушая, как насытятся горячей мясной похлебкой и ломтем свежее испеченного хлеба дома. Прохожие все убывали, торопясь оказаться до темноты под родным кровом, улочки пустели, а сумерки, как будто просачиваясь прямо сквозь щели мостовой, расплзались по земле, постепенно разрастаясь вширь и в высоту, заполняя все вокруг.

Когда же сумеречные тени стали выше человеческого роста и потянулись к кровлям теремов, по улицам — разгоняя редких прохожих со своего пути — пронеслись трое конных всадников. Двое из них были одеты как воины князя, а третий, огненно-рыжий, хоть и был одет просто, но шапка с собольей оторочкой выдавала в нем челядинца при богатом столе. Всадники двигались стремительно, будто их подгоняла нечистая сила, и вызывали страх у тех, кто попадался им на пути: ужели стряслось что-то страшное, пожар или какая другая беда нагрянула неожиданно-негаданно?..

Отряд, разыскав нужную избу, остановил коней. Покинув седло, княжий гридник в собольей шапке шагнул было к воротам, собираясь загрохотать по ним кулаком — но те распахнулись пред ним сами. Навстречу ему вышла женщина, взирая на незваных гостей без страха. Невысокая, крепко сбитая, с острыми и гордыми чертами смуглого лица, она походила на женщин-горянок, коих изредка привозили с собой торговцы людьми.

— Это ли дом княжеского ратника Микулы Славича? — спросил гридник у нее.

— Он самый, — с достоинством ответила женщина. — Но если ищите его, то придется обождать, покуда он вернется. Третьего дня как на охоту ушел.

— Нам не Микула Славич нужен, а жена его — Миланья. Говорят, Микула с год назад взял ее из полонянок. Не ты ли?

Женщина тут же своенравно подбоченилась:

— Ну может и я. И что с этого?

— Говорят, ты хвори умеешь лечить и недуги заговаривать?

— Мало ли кто что балаболит! Больше сплетни старушечьи слушайте! — рассердилась вдруг та и вознамерилась уже закрыть дверь.

Однако княжий слугитель схватил ворота и не позволил им захлопнуться перед ним.

— Ты погоди сердчать! Али еще не поняла, кто мы? — спросил он важно. — Мы от князя Ярослава Всеволодовича. Коли знаешь ты как болезни исцелять, то велел он тебя в вотчину княжескую доставить побыстрее. Промедлишь — может поздно уже будет.

Миланья заговорила не сразу, хоть и поняла теперь, зачем они пожаловали. Как, неужто ее помощь самому князю понадобилась? Да, она и вправду ведала колдовские заговоры, в травах целебных разбиралась — и, случалось, помогала хворым избавиться от болезни — но также помнила Миланья, что таких, как она, и на вересковый костер могут возвести, несмотря на все добрые дела... Впрочем, откажешь князю — уж точно беды не миновать!

— Раз князь зовет — пойду, — проговорила Миланья решительно. — Только я не побегу рядом с твоим конем как собака. Посади на седло да и отвези меня в княжескую вотчину.

Мужчина в собольей шапке хмыкнул. Легко он заскочил в седло, подал ей руку и как пушинку закинул Миланью к себе. Резвые кони, грохоча копытами, стремительно рванулись в обратный путь, летя как ветер. Оказавшись в центральной части города, они миновали ров, питающийся водами от реки Трубеж и отделяющий княжескую вотчину от города, и поднялись на холм, насыпанный руками смердов еще во время правления первых князей. На холме этом, окруженный множеством хозяйственных построек, возвышался терем, чьи шпили на высоких башнях царапали чернеющее небо.

Княжеские служители остановили коней в дворе и спешили. Гридник провел Миланию в сени, а оттуда в богатую и ярко освещенную гридницу, где восседал на резном столце князь Ярослав Всеволодович.

Миланье еще не доводилось видеть князя воочию. В народе сказывали, что он высок ростом и статен, что волосы и борода у него русые, как у батюшки его — Всеволода Большое Гнездо, что глаза серо-зеленые, как болотные омуты, ну а глас походит на медвежий рык. Глянув на князя, Миланья убедилась в правдивости людской молвы, а стоило ему заговорить, как она поежилась — действительно, медвежий рык!

— Кто такая? Чьего роду-племени?

— Жена твоего верного слуги, Микулы Славича, — Миланья отвесила князю земной поклон. — А раз жена становится единым телом с мужем своим, то я его роду-племени и принадлежу у русичам.

— Гладко говоришь, — князь окинул ее тяжелым взглядом. — Не желаешь, значит, назвать места, откуда прибыла?

— Не прибыла. Привезли меня силой. Мое родное селение сожгли татники, а меня взяли в полон. Микула Славич выкупил меня, за что я поклялась быть ему верной женой. Теперь здесь мой дом и мой супруг — мой род.

— Говорят, ты тайны целительства ведаешь? — продолжил князь, видимо, удовольствовавшись ее ответом.

— Ведаю, пресветлый князь, — она склонила голову.

— А роженице освободиться от бремени сумеешь помочь?

Миланья подняла взгляд на князя, и успела заметить мелькнувшую в его лице муку, которую он тотчас постарался скрыть. Ей стало ясно, для чего князь приказал доставить ее. Все в Переяславле-Залесском знали, что молодая жена Ярослава — княгиня Феодосия — на сносях и вот-вот должна родить.

— Сумею.

— Ежели справишься — щедро вознагражу, — сказал князь ей.

— Ведите меня к роженице, — ответила женщина спокойно.

Князь подал знак рукой и старуха, закутанная в черное, затопала больными ногами прочь из гридницы, указывая Миланье дорогу. Они поднялись наверх, в покои, расположенные в самой лучшей части терема. Еще не распахнулась дверь в горницу, а знахарка уже услышала тяжкие стоны, полные боли. За порогом она увидела столпившихся подле ложа старух-повитух, те облепили роженицу со всех сторон — двое из них заставляли княгиню плотать темный отвар из глубокой плошки, а прочие давили руками на живот, как бы желая выдавить плод из ее чрева. Княгиня — обнаженная и вся взмокшая — металась под их руками, обезумев от непереносимой боли.

— Как давно она пытается разродиться? — спросила Миланья свою проводницу.

— Со вчерашнего утра, — скрипуче отозвалась та.

— Прочь, дурехи! Не прикасайтесь к ней! — вскричала Миланья и, бросившись к ложу, принялась отталкивать повитух от роженицы.

— Кто тебя тут старшей сделал? — попробовала было возразить ей одна из них.

— Князь! — ответила знахарка резко, и не тратя времени более, принялась распоряжаться: — Пусть они выйдут прочь и больше носа сюда не суют! И пришлите мне шустрюю девку в подмогу.

Повитухи покинули горницу, бросая на новоявленную врачевательницу злобные взгляды. Феодосия все стонала, закрыв глаза и беспомощно раскинувшись на широкой постели. Миланья, смочив тряпицу в чане с холодной водой, прижала ее к горящему лбу роженицы, про себя дивясь ее облику: несмотря на долгую родовую муку ее облик не утратил необыкновенной прелести, против которой не устояло бы никакое мужское сердце. Не мудрено, что Ярослав прятал свою жену в тереме и позволял ей казаться на глаза народу!

Миланья зашептала ей на ухо сокровенные слова, призывающие на помощь древние силы. Вскоре Феодосия перестала натужно стонать, вздохнула полной грудью воздух и открыла глаза, посмотрев на Миланью глубоким, осмысленным взором. Глаза у княгини были цвета темного липового меда.

— Кто ты? — прошептала Феодосия пересохшими губами.

— Миланьей меня зовут, — ласково проговорила женщина. — Я помогу тебе разродиться, светлая княгиня.

— Я страшилась, что помру прежде, чем рожу сына князю! Эти старухи хотели убить меня... До чего же больно, больно!..

— Не бойся. Я сделаю так, что ты родишь быстро. Только не кричи на меня и не сопротивляйся. Я положу руки тебе на живот и уговорю твоего сына родиться.

В горницу прибежала девка, присланная в подмогу. Миланья распорядилась приготовить чан с горячей водой и чистое полотно, после чего встать подле ложа и ожидать следующих приказаний. Знахарка, бормоча заклятия, возложила ладони на живот Феодосии.

— Твой сын очень упрям, княгинюшка, — заметила она с улыбкой, на миг прервав свой обряд. — Он хочет выйти не так, как все дети. Но я его уговорила — сейчас он перевернется, и устроится как нужно. Переведи дух и потерпи.

И вновь Миланья забормотала слова на странном, чуждом языке. Феодосья вскрикнула, задрожала, ощущая, как дитя внутри нее начало двигаться. Выгнувшись от родовой муки, она, однако, чувствовала блаженство, ключом бьющееся в груди: ее сын наконец-то готов родиться! Прикрыв глаза, роженица утонула в голосе знахарки, доверившись ему — а открыв, услышала надрывный плач младенца.

— Твой сын, княгиня, — сказала Миланья, протянув ей младенца, уже завернутого в пуховой платок.

Благоговейно Феодосья прижала к груди младенца.

— Благодарю тебя! — прошептала княгиня, просветлев ликом. — Неужто я пережила эту ночь?.. Ты спасла меня и дитя! Благодарю тебя!

Миланья лишь улыбнулась ей. Вместе с девкой, она осторожно обмыла княгиню, расчесала ее длинные черные волосы и заплела их, затем прибрала постель, сменив запачканные простыни на свежие. Сделав такие приготовления, Миланья послала девку со счастливой вестью к князю; та со всех ног кинулась выполнять поручение сломя голову — ведь принесшему известие о рождении сына по обычаю полагалась щедрая награда.

— Кто научил тебя колдовать? — спросила княгиня, когда она и Миланья остались

одни в горнице.

— Мать научила, а ее — бабка. Вот так-то, — ответствовала та просто.

— Какой же ты веры?

— Какая на то разница? Моя вера не мешает мне спасти человеческие души, а кто какому богу молится — меня не касается, — уклончиво отозвалась женщина.

— А я уж решила сегодня, что бог вознамерился меня наказать! Все повитухи вокруг шептались о том, что я грех совершила, став женой того, у кого уже жена законная имеется, — вздохнула Феодосия, поглаживая темные волосы на макушке сына. — Слышала я, как бормотали они, будто по божьим законам я и не жена Ярославу вовсе, а так — любовница, вот через то и заслужила мучительную кончину...

Такие сплетни действительно бродили по Переяславлю-Залесскому, Миланья не раз слышала болтовню торговков на базаре. Люд судачил, что князь сделал грех, женившись при живой жене, когда закон позволяет жениться повторно только вдовому и тому, чья супруга приняла монашеский постриг. Первую жену — княгиню Ростиславу, дочь могущественного князя Мстислава Удалого — отнял у Ярослава сам тесть, покарвав за развязанную Ярославом войну против родных братьев. Разбив войско Ярослава, пленив его, Мстислав приказал своим войнам увезти Ростиславу из Переяславля-Залесского и вернуть в отчий дом — разлучив ее не только с мужем, но с новорожденным сыном Федором, которого суровый Мстислав распорядился оставить на воспитание у отца. Князь Ярослав недолго ходил одиноким, посватавшись к дочери рязанского князя — Феодосии. Вскоре он ввел ее в свой дом как новую жену, ничуть не смущаясь укоров православного духовенства.

— Ты не любовница, ты жена — ведь князь назвал тебя своей женою, — молвила Миланья ободряюще. — А что до кары божьей... Ежели б господь желал тебя покарать, разве бы он позволил мне прийти к тебе? А раз я тут, выходит, нужно было мне спасти тебя и сына твоего.

Красивые губы княгини тронула мягкая улыбка после ее слов.

Дверь в горницу распахнулась. Князь Ярослав, войдя, словно бы заполнил собою все вокруг — столь сильным и властным он выглядел. Но его суровый облик переменился, едва он увидел жену, возлежащую на ложе с новорожденным у груди. Несколько порывистых шагов и Ярослав очутился подле Феодосии. В его взоре пылал огонь.

Миланья попятилась к выходу, чтобы не мешать князю и княгине.

— Стой! — окликнула ее Феодосия. — Ты моя спасительница и не должна уйти без награды.

— Проси всего, что захочешь, — сказал Ярослав с благосклонностью.

Миланья не смогла ничего произнести в ответ, ошеломленная внезапным видением, снизошедшим на нее при взгляде на князя и княгиню. Рок приоткрыл пред Миланьей завесу тайны и она увидела на краткий миг судьбу, предназначенную Феодосье: смерть уже поставила свое клеймо на ее молодое чело и дни ее были сочтены. Она умрет внезапно, сгорит в огне неведомой лихорадки! Никакие молитвы и колдовские заговоры, которым была Миланья научена, не смогут помешать року свершиться — так суждено... Феодосия оставит Ярослава вдовцом, и любовь к ней будет его терзать не хуже лютого волка до конца его дней. А их сын... Да, сын — Миланья увидела и его — он возмужает под отцовым крылом и...

— Чего желаешь, говори! — громко повторил меж тем Ярослав, удивленный ее молчанием.

— У меня есть всё для бабьего счастья: муж, дом, хозяйство, — вздрогнув, через силу проговорила та. — Моя награда в том, что я помогла княгине. Большого мне не нужно.

— Обычай запрещает отпускать тебя с пустыми руками. Возьми перстень с мой руки, раз уж так, — князь снял кольцо с крупным рубином и протянул ей. После того как Миланья с поклоном приняла его дар, он прибавил: — И ступай с богом. Гридник доставит тебя домой.

Земно кланяясь, женщина отвернулась и поспешила покинуть горницу.

Князь опустил на ложе подле нее и прижался к жене, ласково коснувшись сначала ее губ, а затем крохотного лобика их сына. Младенец, тепло укутанный, сладко дремал на материнской груди.

— Княже... Любый мой... — тихо проговорила Феодосья, сжав ладонь супруга.

Ярослав промолчал, но слезы, блеснувшие на его глазах были красноречивее всех слов на свете.

1. ПУТЬ В НОВУГОРОД

...Людская доброта!

Укрой от студёного ветра!

Печальна жизнь, поверь,

Бродяги в рубище!

Бродяги, голосащего с горя!

Сколько горестей знал!

Но кто пожалеет?..

Я нищий и днём, и ночью —

Я нищ в любую погоду.

Богат я лишь песней своей...

Людская доброта!

Укрой от студёного ветра!

Иль не ведаешь ты,

Что я, горемычный, хожу по земле?

Я, бродяга, голосащий с горя...

Так пел молодой воин, щуплый и безбородый, ведущий под узды свою клячу, нагруженную нехитрым скарбом — мехом с водой и мешком, где лежало груботканое одеяло, несколько хлебов и сушеная рыба. Платье на воине было бедным и часто заплатаанным, а на ногах промокшие лыченцы, которые обыкновенно носила чернь.

— Эй, посторонись! — прикрикнул на него княжий гридник-татарин на холеном жеребце, направлявшийся в голову княжьей рати. Глянув на отступившего перед ним дружинника, гридник прибавил с усмешкою: — Уж больно вид у тебя захудалый! А кобыла твоя того и гляди сдохнет в дороге, она-то никак твоего батюшку пережила?

Сказав это, он продолжил путь, посмеиваясь себе в бороду, тронутую первой сединой.

Князь Ярослав Всеволодович этою весною со своей ратью шёл в Новгород, чтобы поднять тамошних жителей и псковитян на войну с Ригой. Для того и шло могучее переяславское ополчение по торговой дороге, а в голове рати ехал сам князь и два его сына-княжича. В хвосте растянувшейся на версту дружины ехали телеги с княжьим добром да нужным в пути скарбом, рядом с которыми шло несколько баб, сопровождавших своих мужей. На одной из телег восседал косматый старик, прижимавший к своей груди свёрток, и по большей части дремавший, но на ухабах продиравший глаза и громко начинавший

кричать:

— Но-но!.. Легче, а не то всё рассыплете! Всё уроните в грязь! — за его спиной были уложены коробки, полные книг и княжьих свитков. Затем он снова засыпал.

Весенняя распутица убыла и реки вернулись в свои русла. Луга зеленели молодой и сочной травой, тянувшейся к солнцу. На возделываемых полях люди выпрямляли спины, чтобы поглазеть на проходившую мимо рать да поохать.

Гридник Мусуд, тот самый, что насмеялся над бедным ополченцем и его клячей, тем временем подъехал к Ярославу, и доложил:

— Княже, проверил по твоему указу задние обозы — уж больно они отстали. Ползут как черви земляные. Велел я им, твоим именем, поспешать и догонять нас.

Ярослав, чье суровое лицо многим внушало благоговение, взглянул на татарина, и, сухо усмехнувшись, осведомился:

— Нешто бабы виноваты?

— Кой там! Спят и едут. Но бабы и вправду жалуются, притомились, мол.

Князь устремил взгляд вдаль, задумавшись о чём-то, когда раздался голос княжича Фёдора, его старшего сына, ехавшего за ним:

— От баб в дороге одни хлопоты да морока! — заявил десятилетний мальчик, пухлый и румяный, одетый в богатый кафтан и расшитую золотом шапку. — А ежели они идти не могут, высечь их надобно, тогда полетят как ветер над землёй!

— Всё-то тебе не терпится кого-нибудь высечь, — ответил Ярослав, не оборачиваясь. Фёдор примолк, поняв, что отец недоволен его вмешательством. Отец никогда не выказывал к своим сыновьям любви и ласки, обходясь с ними хоть и справедливо, но строго. Даже Фёдор, его первенец, не мог похвастаться тем, что умеет смягчать своего отца.

Рядом с Фёдором, по левую руку от князя, ехал другой сын Ярослава — восьмилетний Александр. Он не походил на старшего брата, был сухощав и выделялся красотой лица, на котором горели отцовские серо-зеленые глаза. Молчаливый, весьма склонный к верховой езде и стрельбе из лука, Александр в отличии от брата, сгорбившегося в седле от усталости, сидел на коне прямо, и, гордо вздернув подбородок, не показывал своего утомления дорогой. За ними, поглядывая на княжичей, ехал, осанисто устроившись в седле, боярин Феодор Данилыч, в молодости славившийся на полях брани. Князь Ярослав, зная, что он весьма искусен в ратном деле, поручил ему быть кормильцем Федора, а затем и Александра.

Фёдор, уставший от езды — взмокший и проголодавшийся, но не осмеливающийся жаловаться — вскоре нашел себе развлечение. Так, чтобы не обратить внимание сурового отца, он негромко обратился к Мусуду, над внешностью и обычаями которого часто за глаза подтрунивали при княжьем дворе:

— Мусуд, а Мусуд! Скажи-ка мне, что за имя у тебя? Что оно значит? Наверное, «слуга» или «раб»?

Хитроглазый татарин с мясистым носом, прошедший, прежде чем оказаться у ярославского двора, много земель, разное повидавший и диковинные языки разучивший, поглядел на Фёдора и спокойно проговорил:

— Всякий смертный — есть слуга бога и раб господень. На белом свете много имён, и каждое из них звучит по своему... — Мусуд перевел взгляд на Александра, который вперил холодный взор в своего старшего брата. Холод этот скрывал за собою гнев. Ни для кого не было тайной соперничество между княжатами, вызванное желанием привлечь к себе благосклонность отца. Александр и Фёдор могли повздорить из-за любого пустяка, а сейчас

младшего из братьев явно взбесили развязные речи Федора. Мусуд, продолжая двигаться вровень с княжатами, заговорил снова: — Имя красит человека. Вот твоё, княжич Александр, имечко — славное, гордое. Так звали воеводу, покорившего полмира — Александра Македонского. Мои предки называли сего царя Зулькарнайн, а другие народы, которые он положил на свою ладонь — Искандером Двурогим.

— Он был велик? — спросил Александр.

— Его помнят даже горы и реки. И тебя будут помнить!

Александр отвернулся от Фёдора.

— Гордыню ты в нём раздуваешь, Мусуд, — неожиданно заговорил князь, и стало ясно, что он слышал всё. Однако в голосе Ярослава не было осуждения.

— К славным делам готовлю, пресветлый князь, — почтительно ответил татарин и лукаво зыркнул на Александра и Федора. — Ибо твоё древо не пересохнет и имя не забудется, не превратится в прах под ногами смертных, а стоять будет во славу земли русской.

Ярослав склонил голову в ответ и стало ясно, что ему по душе пришлись слова Мусуда. Феодор Данилыч бросил злой взгляд на гридника с ладно подвешенным языком, раздраженный тем, что этому татарину удалось порадовать князя речью.

К вечеру княжья рать вышла к берегам полноводной реке Мете, что впадала в Ильмень-озеро. Здесь проходил водный путь, по которому сплавлялись купеческие суда — лайбы и шняки груженые товаром. И летом и зимою здесь всюду кипела жизнь. Князь Ярослав был доволен — оставалось подняться по Мете до Ильмени, а там и до Новугорода рукой подать!

Кликнув Мусуда, Ярослав повелел найти достойное место для ночлега. Татарин ответил, что неподалеку стоит христианский монастырь, укрепленный на берегу Меты, а подле него — селеньица, где можно было расположить дружину да и задать корму коням.

— Ну так отряди туда резвых гонцов, — приказал князь, — пусть предупредят, что скоро буду.

Монастырь, стоявший на берегу реки, смотрелся настоящей крепостью: высокий вал, крепкие стены и глубокий ров, к которому была подведена вода из Меты. Рядом стояло несколько селений, прилепившихся к побережью, а в воде — несколько насадов да шняков. Ярослав оглядел всё это и заметил:

— Недурно богоугодные люди прижились колом!

— Видать, вера на торговой дороге — дело прибыльное! — хмыкнул Мусуд.

— Авось сменим калантыри на рясы? — отпустил шутку другой гридник.

— Рясу натянешь — бабы вовек не видать! — воскликнул третий. — Девки крепкого мужа любят, а не святые кости!

В ответ на эти слова раздался хохот. Ратники привставали на стременах, а пешие вои вытягивали шеи, чтобы поглядеть на селения, надеясь увидеть здешних девок. После трудного дня дружинникам не терпелось оказаться у огня, просушить ноги, насытить утробу и отдохнуть.

Ярослав кивнул гриднику Торопке Меньшому и тот зычным голосом объявил, чтоб рать располагалась в селеньях по своему усмотрению; а хозяйская дружина, обеспечивающая охрану ночлега, должна следовать за князем Ярославом в монастырь.

— Раз такую крепость отстроили, — молвил меж тем князь, не отрывая взора от монастыря, и что-то прикидывая, — значит и кладовые да коробы у них добром полны...

— А то как же, князь! — согласился Мусуд. — Как же без этого? Кто монастырьки эти

строит на торговых путях? Известно, кто — купцы. Они добро своё в кладовые монастырские прячут, а богоугодные люди добро это как псы цепные стерегут и в голодный год на лычу с сала не перебиваются. Жаль только, что князей люд этот торговый не чтит, не задабривает дарами...

Ярослав мрачно хмыкнул, услышав такие речи.

— Уж больно скор ты на хулу, Мусуд. Не чтут, говоришь?

— Не гневись, князь милый! Как есть говорю и кто ж виноват, что язык мой правду выщелкивает? — пропел татарин, кося на князя маслянистым угодливым взглядом.

Князь не разгневался и даже слабо улыбнулся — благоволил он Мусуду. Знал Ярослав, что за бескостным языком и хитрыми ужимками скрывается у Мусуда на редкость преданное сердце, крепкая воинская хватка и светлая голова. А про монастырь татарин прав — как ни крути, Ярослав и сам мыслил потрясти монахов за мощну. Хлестнув своего коня, он двинулся вперед.

На монастырском дворе стояла суматоха.

Княжьи дружинники расположились в монастырском дворе, обороненном крепкими стенами и рвом, и развели там костры, чтобы приготовить брашно. Ратники, не стесняясь, громко говорили и, толкаясь, подтрунивали друг над другом; кто-то из них, наиболее сноровистый, увёл из кладовой кувшин с крепчайшей медовухой и веселья тотчас прибавилось.

В самом монастыре слышались отчаянные вопли: то кричал настоятель богоугодного места, видя, как дружинники по приказу князя Ярослава выносят в большую светёлку из кладовых сундуки, полные узорочья — оружия, платья, связок с полотном, собольих и лисьих шкур, а так же самоцветов — серёг, бус и браслетов. Разглядывая эти сокровища, Ярослав одобрительно щелкал языком.

— Что же это! — выл настоятель, удерживаемый одним из подданных князя, вздымая руки к небу. — Дом божий на поток достался! Ничто не свято!

— Не вой, как собака! — резко проговорил Ярослав, удобно устроившись на кресле, также вызволенном на свет из кладовых. — Разве это божье добро? Бог елеем да молитвами сыт! А вот купцы, что кладовые твои богатствами набили, не одним святым духом сыты. Коли так, князя и верную его дружину уважить надо, одарить душевно... А ты попрекнуть меня вздумал?

— Что ты, князь пресветлый!... — испуганно залепетал настоятель, укусив себя за язык.

— Глянь на себя, раб божий! Жирный гусь ты, а не человек, — продолжал князь. — Сколько сала можно вытравить из твоего брюха, а? А что до узорочья — уйми тугу, еще себе нагребешь, ведь ваше святое племя похуже ушкуйников будет.

По знаку князя дружинник вытолкал настоятеля прочь из светёлки.

Те временем княжата под присмотром Данилы Заточника — книжника, пригретого Ярославам и поставленного над Александром и Фёдором для того, чтобы обучить их грамоте и прочим ученым премудростям, — заканчивали с едой в другом конце монастыря. Данила — тот самый косматый старик, что ехал на телеге — должен был проследить, чтобы княжата улеглись спать: в соседней келье уже были готовы для них мягкие лежанки. Фёдор то и дело ныл, жалуясь Заточнику на боль в спине и ногах. Не зная как себя унять, он начал скатывать шарики из лепешек и гонять их по столу. Александр, сидевший напротив, молча ел.

— Скучота здесь! — возмутился в конце концов старший из княжат. — И спать мне не охота, все кости трещат! Дай, Данила, я пойду к отцу — там он добро монастырское делит, а

я на то и погляжу!

Старик-книжник воздел перст:

— Батюшка ваш не велел вам там быть, а значит, Феодор, прогневишь ты его, если ослушаешься. Раз кости у тебя трещат, то тут один ответ — привыкать тебе надо, должен ты возмужать.

Федор досадливо отмахнулся от Данилы и переключился на младшего брата, став подталкивать к нему хлебные шарики. Александр не обращал на него никакого внимания, что пуще злило Фёдора. Изловчившись, он пнул Александра под столом. Тот вздрогнул и вскинул глаза на Фёдора, который в ответ самодовольно улыбался.

Александр отложил ложку. В следующий миг скамью, на которой сидел Фёдор, сотряс удар, и она с грохотом опрокинулась, увлекая за собой мальчика. Фёдор ударился головой и взвыл от боли. Данила, всплеснув руками, кинулся к княжичу.

— А-а!... - голосил Фёдор.

В светёлку вдруг вбежал ошалевший настоятель — его необъятный живот колыхался, жирное лицо покраснелось, а толстыми руками, напоминавшими бараньи окорока, он рвал свою бороду.

— Горе мне, горе! — вскричал настоятель. — Что же остается?! Одеть в ретище? Обельным холопом стать?! Развязали мою мощну, распустили добро!... — и он выбежал прочь, сотрясая шагами хоромы.

Данила помог Фёдору подняться. Потирая затылок, тот ткнул в младшего брата пальцем:

— Этот непутёвый скинул меня!

Не успел Заточник начать нравоучать Александра, как княжич подбежал к Фёдору и всадил свой кулак в его рыхлый живот. Крякнув, Фёдор согнулся пополам.

— Я непутевый? — закричал Александр так яростно, что даже Данила перепугался. — Я покажу тебе, какой я непутёвый! Ты будешь просить меня!

Александр замахнулся на Фёдора. И тот, несмотря на то, что был крупнее Александра да и старше, струхнул — Фёдор с воплями начал убегать от брата вокруг стола.

— Стойте! Остановитесь! — восклицал Данила, пытаясь ухватить кого-нибудь из братьев.

Фёдор вылетел из светёлки и понёсся прочь, но Александр и не думал отставать. Они пробежали по кельям, выскочили на задний двор, где монахи хранили дрова, там-то Александр и настиг Фёдора. Кинувшись старшему брату на спину, Александр повалил его в грязь и заломил руку.

— Проси о пощаде! — торжествующе вскричал младший княжич.

— Пусти!

— Проси! — повторил Александр.

Где-то в вечерней мгле, окутавшей двор, послышалось хриплое рычание. Из дровницы вылез большой и грязный пёс — приоткрыв чёрную пасть, он посмотрел на княжат и на заливке его шерсть встала дыбом. Александр и Фёдор окаменели. Они и не знали, что злобный пёс, задравший немало воров, покушавшихся на монастырские сокровища, был загнан по прибытии Ярослава в этот двор. Двор этот был огорожен, и войти да выйти из него можно было только через ту дверь, через которую только что и выскочили княжата.

Они не успели отступить — огромный пес кинулся на них.

— Помогите! Спасите! Погибаю! — закричал Фёдор, укушенный в плечо. Пес вцепился

в Александра, и, кляцкая зубами, начал трепать его, словно соломенную куклу. Александр тщетно пытался ухватить пса за шею, чтобы переломить ему хребет, как учил тому кормилец, а озверевшее животное опрокидывало его на землю. Пёс хотел добраться до живота мальчика, чтобы прогрызть его и вырвать внутренности, как он обычно поступал с ворами, попавшимися ему. Запах молодой крови, сочащейся из укусов на теле Александра, заставлял пса всё яростнее и яростнее атаковать.

Данила Заточник выбежал на крики во двор, но его охватил такой страх, что он не решился прийти на помощь Александру. Увидев Федора, Заточник схватил его за руки и поволок в дом, голося, что есть мочи.

Быстрая тень промелькнула над забором, ограждающим двор. Крепкие руки оторвали пса от израненного Александра, а затем хрустнул собачий хребет. Отбросив мертвого пса в сторону, спаситель склонился над мальчиком. Княжич, хоть и истекал кровью, но был в сознании и шепотом спросил:

— Кто тут?

— Это ж я, Мусуд, слуга княжий! Али не признал? — ответил татарин и поднял с земли княжича, бережно прижимая к груди. Он заспешил вернуться в стены монастыря, а навстречу уже бежали люди, привлеченные шумом и криками.

Князь Ярослав, которому доложили о том, что княжичей едва не загрыз сторожевой пес, впал в неопиcуемый гнев. Крепко досталось и Даниле Заточнику — за то, что не углядел за вверенными ему Александром и Федором; и настоятелю с монахами, не предупредивших о псе-людоеде и не заперевших как следует двери; а так же и кормильцу Федору Данилычу, не прибегшему борзо на крики о помощи. Все трепетали перед разъяренным князем, метавшим гром и молнии, и сорвавшимся на крик, походивший на рык медведя-сыроядца. Расправа была совершена немедля: Федор Данилыч получил оплеуху лично от князя и лишился при этом зуба, настоятеля высекли на дворе, Даниле Заточнику надавали тумачков и обрезали лелеемую им бороду.

Поздней ночью Ярослав пришел в келью, где лежал Александр — вокруг него суетился одетый в рвань дед-знахарь, которого приволокли из ближайшего селеньица. Александр весь горел и метался в жару. Дедок, скрипя костями, обтирал раны целебным настоем из коры и трав, и всё что-то бормотал себе под длинный горбатый нос.

— Прости меня, батюшка, — сказал Александр с натугой. — Моя вина.

Ярослав окинул сына пристальным взглядом: он видел, что, несмотря на боль и лихорадку, Александр крепится и не желает, чтобы суровый отец видел его слабость.

— Потрепали твою шкуру, — сказал князь Ярослав ровно. Помолчав, он обратился к деду: — Как отрок?

— Выправится, ничего с ним не станется. Денёк полежит, хворь сойдет, а через седмицу и поминать не будет!

Александр встрепенулся:

— Батюшка, не хочу лежать в постели! Завтра поеду рядом с тобой и о хвори не упомяну!

Князь Ярослав покачал головой:

— Как же так? А если на лошади не удержишься, из седла выпадешь да под копыта упадешь? Пока хворый — не сидеть тебе в седле, а только на обозах позади ехать вместе с бабами.

— Усижу в седле! — ответил Александр запальчиво.

— Ты и на мягком месте сейчас не усидишь, после того как тебя псина расцеловала.

— Завтра докажу, что усажу!

— А если поплохеет? — князь нахмурил густые брови и отрезал: — Нет, не ехать тебе завтра со мною. Останешься здесь, Олекса, а дедок этот за тобой ходить будет. Оставлю я при тебе того удальца, что спас тебя, — теперь он приглядывать за тобой будет вместе с кормильцем, — да еще двух воев для пущей охраны. А как поправишься, то вослед мне с ними и отправишься.

Александр понурился и, смирившись с его волей, проговорил:

— Как скажешь, так и будет, отец.

Ярослав будто хотел еще что-то прибавить, но промолчал. Отвернувшись, он вышел прочь из кельи. Наутро князь вместе с дружиной покинул монастырь.

Оставленный в монастыре Александр бесконечно досадовал; мысль о том, что Фёдор едет с отцом в Новгород, где их будет хлебом-солью встречать вольный народ, жгла его сильнее, чем раны и лихорадка. Мусуд, проводивший время у изголовья Александра, догадывался, что гневит княжича: Александр считал, что Фёдор повинен в напасти, случившейся с ним — и именно Фёдор должен лежать лёжнем и кусать локти от злости и бессилия!

— Не серчай, княже, — говорил Мусуд со своей обыкновенной мудростью, желая утешить мальчика. — Порой за одно мгновение случается больше, чего не случается и за целый год. Спешить нужно так, чтобы не пробежать мимо своего дома.

— Мусуд, не трави! — отмахивался Александр.

Татарин тем временем о своём вздыхал; жалел он о том, что князь Ярослав оторвал его, Мусуда, от себя и оставил в монастыре. Хотел он, как и Александр, въехать в Новгород в княжеской дружине, да вот не довелось! Впрочем, Мусуд утешал себя мыслями о том, что и из этого назначения можно извлечь выгоду. Знал татарин — заметил ведь — что Ярослав, хоть и холодно держит себя с сыновьями, в сердце своем отцовскую любовь таит. А к Александру, как виделось Мусуду, князь более тянулся душою, нежели к Фёдору. И, ежели Мусуд славно отслужит, приглядывая за княжичем, то и князь как следует отблагодарит его за то.

К четвертому дню Александр смог сесть в седло. Монастырь они покидали поздним утром. Княжич, уже сидя на коне, глядел через широко распахнутые ворота на берег реки Мета, где беспорядочно сустились люди. Они что-то сгружали с лодок и переносили на телеги. То были торгаши. Не диво, что монастырь стоит здесь как крепость, на возвышенности, окруженный крепкими стенами и рвом. Богатые здесь были земли и даже монахи здесь куплей-продажей не брезговали!

Во дворе было много пришлого народа — мелкие торгаши да служки сновали туда-сюда, и Александр не обращал на них внимания, занятый мыслями о том, чтобы скорее броситься вдогонку отцу. Его привлёк резкий окрик какого-то латиняна:

— Эй, ты есть сын коназь Ярослав? Коназь-принц? — крепкий, как бык, мужик приблизился к Александру.

Княжич повернулся к нему, с достоинством держась в седле. Богато смотревшийся, с песцовой шубой на плечах, мужик ткнул в княжича пальцем с золотым перстнем:

— Мой имя Хубэрт Невт!.. Я торговать много лет на этой земля! Все мой уважал! А коназь Ярослав не уважал торговый человек! Одно — грабиль русский человек, другое — грабиль немец купец! Я приезжать этим днём, а мой запас — нет, пропаль, грабиль!

Мусуд, стоявший рядом, схватился за рукоятку своего кривого татарского меча, зарывчав: — Уж больно длин язык у немца! Укоротить его нужно!

Александр остановил его движением руки, продолжая внимать речам латинянина. Мальчик видел также мужиков, столпившихся неподалёку и поглядывающих в их сторону — они явно были слугами немецкого купца

— Кто есть вернуть убыток? Кто вернуть мой добро? — немец сделал еще несколько шагов к Александру. — Вор есть вор! Как есть пес рвать вора, так и коназя-принц драл пёс! Есть вор!...

Не известно, что еще хотел сказать оскорблённый купец Хубэрт Невт, но его слова застряли в его глотке, а в следующий миг превратились в вопль. Княжич Александр, после слов «Есть вор!» выхватил вить, которым он погонял коня, и с размаху хлестнул им по лицу немецкого купца. Удар рассек глаз, и тот вместе с кровью вылился из глазницы. Ярославовы воины обнажили мечи, изготовившись броситься на купеческих слуг. Мусуд подскочил к немцу и пинком отшвырнул его назад. Хубэрт Невт упал в грязь, но никто из его служек не бросился к нему, чтобы помочь. Все люди, ставшие свидетелями этой стычки, в ужасе застыли.

Александр, подождав немного, взглянул на Мусуда:

— Довольно. Поспешаем!

Дружинники убрали оружие и оседлали коней. Не оглянувшись, Александр выехал за ворота монастыря. Мусуд же, искоса поглядывая на княжича, размышлял меж тем: «Как кровь гуще воды, так и Олекса сутью больше сын Ярослава, чем Фёдор. Кровь княжеская в нём чище, рука у него тяжелее, а воля — как камень. Кому ж быть десницей Ярослава, как не ему?...»

Впереди был путь в Новгород, на Волхов, к куполам Золотой Софии.

2. БЕГСТВО

Прошел месяц с того времени, как Александр въехал по следам своего отца в богатый и славный Новгород на Волхве.

Дни он проводил в княжеской вотчине — Рюриковом городище в версте от новгородских стен, где со старшим братом учился держать в руках меч, и внимал мудрёным речам Данилы Заточника. Федор Данилыч, глядя на своих воспитанников, радовался, видя, что Федор и Александр растут настоящими богатырями. Данила же не упускал случая похвалить младшего княжича перед Ярославом, поминая о том, что Александр склонен к наукам и весьма любит слушать сказы о великих воеводах далеких времен.

— Разумен не по годам княжич Александр, — сказал однажды Заточник, когда Ярослав спросил с него о сыновьях и их успехах. — Он никогда не опозорит твоего имени, княже.

Ярослав, услышав такие слова, нахмурился:

— Что же Фёдор? Али не он старшой и не о нём подобает говорить сперва?

— Прости меня, пресветлый князь, холопа неразумного! — воскликнул Данила. — Что я, смоковница проклятая, не имеющая плодов, могу сказать? Ум мой, что ночной ворон, бодрствующий на горной вершине, а сердце — что лицо, лишённое очей! Первенец твой, Феодор, надёжа княжеская, многоуспешен в мудрости и растёт богатырем над богатырями! Обилен Феодор разумом и мыслию над науками парит аки орел над землями!

Но Ярослав продолжал хмуриться, хотя ничего и не возразил пламенным словам старого книжника. Когда же Данила Заточник, отпущенный князем, вышел из терема, то, поглядев по сторонам и не увидев рядом никого, дал волю своим мыслям:

— Ох, глупость людская! Разве надобно давать мудрому мужу, посланному с поручением, длинных объяснений? Но ежели послать глупого, то необходимо и самому вослед отправляться. Мудрый желает блага, а глупый — пира в доме. Глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами собою рождаются! Бесполезно учить глупца, это как лить воду в дырявые меха или мёртвого смешить. Глупый сможет научиться уму, ежели камень поплывёт по воде, синица сожрёт орла, а свинья залает на собаку!.. Князь же с добротным, умным советником, с надёжной опорой, не впадёт в ошибку! — так он говорил, ковыляя к себе в светелку.

Меж тем дела князя Ярослава, обстояли нелегко: отправленные в Псков послы вернулись в Новгород с плохими новостями. Вольные псковитяне, которых Ярослав призывал в поход на Ригу, отвергли и его послов и самого Ярослава, заявив, что отныне дружат они и с Ригой и с орденом рыцарей-крестоносцев, распространяющих веру латинскую. То они написали в грамоте, доставленной послами:

«Вольный град Псков, зная крутой нрав Ярославов и сведая о несметном ополчении, что привел с собою князь переславский в Новгород, не верит словам о союзе и страшится его тайных помышлений. Ибо длань у князя Ярослава тяжела да прижимиста, мощна туго завязана, и никогда Ярослав не упустит злата, своего али чужого! И потому мы, бояре псковские уважаемые, призвали нам в подмогу рижских рыцарей, ибо издавна мы с ними торговлю ведём, честно знаемся, и не привезут они нам оковы рабские и разорение, а торговлю ладную и прибыль добрую!»

Получив такой ответ, осерчал князь на предательство Пскова, сказав:

— Не желал я зла псковитянам! Но раз они породнились с латинскими собаками, то так тому и быть! Пусть сосут это поганое вымя, пока утроба у них не прогниёт. Не приду я им на выручку, когда беда над ними разверзнется, сколько б не голосили о помощи!

Ярослав, однако, понимал, что не только Псков настроен против него, но и Новгород. Глядя на псковитян, граждане новгородские тоже загорались страхом перед Ярославом. Богатые боялись, что Ярослав спустит на них свою дружину — отнимет нажитое добро да обложит подушным налогом. Бедные роптали — как появился князь Ярослав в Новгороде, так и хлеб так подорожал, что иные семьи стали голодать, как в неурожайные времена. Сторонники немецких купцов, торгующих с Новгородом, тайно ходили по боярам и нашептывали им слова против Ярослава. «Что вам этот надменный князь? — наущали они зловредно. — Али не вольный вы народ? Али не стоял Новгород издревле господином земель этих и ни перед кем не держал ответа? Наши господа многие годы ведут с вами торговлю, и было ли когда, чтобы они обманули вас, бояр да купцов новгородских? Что же нам воевать меж собою, когда можно сто лет жить-поживать, мирно торговать да добра наживать?» Соглядатаи Ярослава сказывали князю о настроениях, царящих в городе: люди тряслись и роптали на князя, грозясь выступить на городском вече.

Именно на народном вече должен был решиться вопрос — пойдёт ли новгородский народ за Ярославом на Ригу?

И вот собрались жители Новгорода на городское вече. Туда, на Торговую сторону к Никольскому собору, пришла и чернь, и ремесленники, и богатые купцы да бояре и архиепископ церковный Арсений. Ярослав явился на вече в сопровождении двух своих сыновей.

— Учит птенцов своих летать, — тут же зашептались в толпе.

На вечевом помосте находились выдвиненцы новгородские: глава ополчения —

тысяцкий Кузьма Кулик, несколько видных бояр, избранных для того, чтобы говорить с князем и народом. Все они степенно обнажили головы, перекрестились в сторону Софийского собора, чьи купола возвышались на противоположном берегу Волхова, и отвесили князю земной поклон. Первым заговорил архиепископ Арсений, обратившись к Ярославу:

— Ты, князь, защита и опора великого Новгорода! Призвало тебя на княжение вече града вольного — ибо слава имени твоего витает над землями русскими! Принимая же княжение, дал ты обещание, что не будешь вмешиваться в дела торговые и житейские; клялся ты, что сохранишь свободы народные и не будешь утеснять земли здешние!... Но вот пришел ты к нам с ополчением, с ратниками, с ног до глав вооруженных оружием и страшных для народа вольного! Зовёшь ты нас выступить войною на соседей наших, на тех, с кем ведёт Новгород торговлю ладную да мирную.

По примолкшей толпе побежал гул после последних слов архиепископа — люди соглашались с Арсением и роптали на князя. Ярослав поднял руку, и народ вновь притих.

— Что же вы, народ вольный новгородский, — заговорил он громко, — позабыли о своих прошлым несчастьях? Позабыли вы о том, как собаки латинские три года назад ворвались в землю новгородскую? Позабыли вы, как они жгли и грабили ваши житницы?.. Призывали вы тогда меня, моля о помощи! Горе тогда сделало вас послушными! Псковичи передо мною на колени падали, моля избавить их от меча латинского! А как прогнал я их с земли вольной вашей, как зажили вы преспокойно, так загордились и позабыли о благодарности!

Вече заволновалось в ответ на слова Ярослава.

— Когда же, — продолжал князь, — ходил я в земли Карельские, Новгороду принадлежащие, то смирил я тамошних жителей с вашим владычеством. Не смеют они вам с тех пор противиться и усердно отдают вам дань! Но и это вы позабыли и сейчас не вспомнили!

— Нет! Помним! Помним, княже! — зашумело вече, преисполняясь внезапною любовью к сильному и властному Ярославу, возвышающемуся над ними.

Бояре, недовольные таким поворотом дела, меж собою начали переглядываться. Взяв слово, бояре обратились к народу с такими словами:

— Что было — то было, братья и други! Латиняне жгли наши земли, грабили наши житницы, но что было — былём поросло! Разве мы сами не ходили на земли соседние и не полонили их, не забирали добро ихнее? Зачем же сейчас — во время мирное, — отнимать отцов и сыновей от семей их? Скольких ремесленников мы лишимся, пастухов, пахарей! А ведь труд их высоко ценится! А ежели сложат они головы на чужбине? Нет, не супротив Ярослава выступаем мы! Коли вторгнуться латиняне в земли наши, так тотчас народ поднимется! Тотчас они под знамя твои, пресветлый князь, встанут и на ворога пойдут без страха! А сейчас у тебя, Ярослав, дружина боле, чем видная — к чему тебя наши, новгородские ратники?

Настроение народа переменилось: дружными криками люди стали соглашаться с боярами.

— Так скажем же князю Ярославу! — кричали бояре, видя, что побеждают. — Скажем — нет! Не пойдём войною на Ригу! Пусть князь Ярослав Всеволодович идёт своею дорогой и не тяготит своей ратью наши свободы! Пусть переславская дружина уходит из Новгорода!

Вече взорвалось криками, народ навалился на помост, исступленно крича и размахивая

кулаками в сторону Ярослава:

— Уходи! Уводи дружину! Не желаем кормить твоих ратников, пусть уходят! Пусть уходят!

Ярослав, сжав губы, оглядывал площадь, сплошь заполненную людьми; он был в ярости, но уже ничего не мог изменить. Проклятый Новугород! В Переяславле никто бы не осмелился противоречить ему, там любое его слово было законом. Эти новугородцы чванливы и глупы — они богаты торговлей, но без сильного князя и дружины погибнут.

«Ничего, — подумал князь, пылая гневом, — они за оскорбление расплатятся!»

— Что ж, — молвил Ярослав с ледяным спокойствием, обращаясь к вече, — будь по-вашему!

Отвернувшись от толпы, он сошел с помоста и в окружении вооруженных воинов с сыновьями покинул городское собрание.

По обратному пути в Городище Фёдор, сообразивший, что их княжеская честь была оскорблена, осмелился спросить отца, собирается ли тот приказать дружине проучить своевольный город. Ярослав промолчал в ответ: зол он был да и между тем хотел, чтобы сыновья своей головой учились до сути доходить, а не отца за рукав дёргать.

Александр дорогою молчал. Вспоминал он, как подивился, увидев сей город: его широкие мощеные улицы, высокие терема с просторными дворами, волховский мост, богатые базары, неприступную крепостную стену с высокими вежами... Вспоминал он также разочарование свое, когда понял, что в Новугороде не чтят князей так, как в любом другом княжестве: здесь, на берегах Волхова, не князь был хозяином и господином, а свободолюбивое народное вече — избиравшее и архиепископа и городского посадника и тысяцкого. Сие собрание почиталось голосом Божиим и мудростью его — святой Софией, ратующим за правду и свободу для новугородского народа; потому и говорили люди о законах, принятых на вече: «Вы от князей законы принимаете, а мы — от Бога!» Князей-самовластцев же новугородцы ненавидели и по возможности сами вели свои войны, только в самую трудную годину призывая на свое усмотрение того князя, чья доблесть была известна, а дружина — многочисленна, превосходно вооружена и с победой на поле брани встречалась. Но, даже призвав князя, новугородцы требовали с него не вмешиваться в торговые дела города, не перечить решению вече и не пускали князя в детинец жить, отстроив для этого в стороне от Новугорода крепость — Рюриково Городище.

Дружина отца Александра была на Руси чуть не самой лучшей, весьма умелой и многочисленной — потому как дорожил князь Ярослав своими воинами, щедр с ними был и брал на службу хоть христианина, хоть бусурманина, хоть язычника — если видел, что тот мудрость ратную ведает. Окружив себя лихими воями, Ярослав — что ни год — ходил успешною войною то на латинян, то на половцев и других степняков, то на язычников северных, то на князей русских — чтоб отнять у них богатства, да под пяту свою подмять. Так и заслужил он славу князя-победителя — князя воинственного, жестоковыйного. И Новугород, ища себе защиты от врагов, всё чаще и чаще звал на княжение Ярослава с его дружиною, а не других князей. Только вот не ладилось у Ярослава с Новугородом: и нуждались они в нём и боялись его. Оттого без особой нужды Ярославовым затеям новугородцы потворствовать не желали, а ведь поход на Ригу был чистой прихотью Ярослава, жаждущего пополнить свою житницу! Показал Новугород свой упрямый нрав! Вот тут Александру и спрашивать Ярослава ни о чем не надо было — он как чувствовал его душу и знал: отец еще отомстит, еще припомнит этому городу его своеволие...

На следующий день Ярослав приказал дружине выступать в поход на Ригу, и сам стал готовиться к отъезду. Вместо себя князь решил оставить в Новугороде малолетних сыновей, дав им охрану. Несмотря на мольбы Фёдора и Александра, просивших отца взять их в поход, Ярослав остался непреклонен.

— Малы еще на войну ходить! — сказал он. — Сидите на столе новугородском да ума набирайтесь.

С этими словами он и уехал.

Александр натянул тетиву, старательно прицеливаясь, и спустил стрелу. Она впилась в сердцевину круга, нарисованного на широкой, крепленной к дереву, доске. Княжич поправил шапку, сдвинувшуюся ему на глаза, и, довольный собой, снова натянул тетиву. Стрела вновь поразила цель.

За княжичем наблюдал Федор Данилыч, сидевший на колуне, и выстругивающий ножом из куска дерева фигуру утки. Поздняя осень была дождлива и морозна; поглядывая на небо, затянутое тяжелыми черными тучами, кормилец напевал неторопливо:

На речных берегах,
На речных берегах,
Шумит камыш от ветра!
На речных берегах,
На речных берегах,
Все мы холосты да молоды,
Но вот было да нету!..

— Довольно песни распевать! — крикнул Мусуд, сбегая по ступеням вниз. Он весь взмок, а собачий треух сбился на затылок. Остановившись подле вскочившего на ноги Федора Данилыча, он быстро заговорил: — Беда! Беда приключилась! Надобно княжичей увести в терем, да пуще охранять. Олекса! Айда в терем!

Александр вопросительно посмотрел на гридника, опустив лук.

— Бегом! Бегом! — прикрикнул на него татарин и княжич ему повиновался.

Оказавшись в теплых хоромах, Мусуд оставил Александра и Федора под надзором кормильца, а сам снова убежал. Вернувшись, он отёр пот со лба, и присел на лавку.

— Что за беда, Мусуд? — спросил Федор Данилыч.

— Ой, беда так беда! — ответил ему тот. Покидая Новугород, Ярослав повелел Мусуду остаться главным над княжеской охраной да пуще надзирать за княжатами. Мусуд, хоть и огорчился, что не получится ему пограбить латинян, но доверие князя обмануть не мог. — Проклятый вольный град, вечно покоя не знают! Поднялась чернь в Новугороде! Бушует! Дома грабят, в церкви врываються и бесчинствуют, тысяцкого поколотили да всё его добро растащили, кого-то повесили... Велел я ратникам настороже быть, да с башни глядеть шибко на город и дорогу, потому как скоро и сюда, верно, придут!...

Александр соскочил с лавки:

— Зачем?

— А как же? — Мусуд с шумом высморкался. — Сколько дожди льют, неба синего не видно! Хлеба почти все сгнили, сено сгнило, озимые пропали! А ежели так — то голод страшный придёт в Новугород! Чернь сбилась на вече сегодня — голосила, что вскорости мор начнётся. Князь Ярослав, говорили они, должен вернуться в город и силой военной принудить бояр да купцов отменить налоги и поборы да снизить цены на жито, дабы уберечь город от голодной смерти. Они уже отослали к нему гонца три седмицы назад. Но не того

они боятся, что Ярослав не вернется из военного похода, а того, что князь, узнав о беде такой, вздумает отомстить Новугороду за недавнюю обиду. Князь Ярослав держит пути торговые, по которым в Новугород жито везут, скажет одно слово — перекроют его дружинники пути да волоки, и не подвезут купцы сюда к зиме хлеба! Сломает Ярослав гордый вольный град!... Вот новугородцы, поганые собаки, порешили: взять вас, княжичей в залог, чтоб Ярослав не вздумал уморить Новугород голодом! При вече был мой соглядатай, так как он услышал ихние речи да узнал, чего вече надумало — бросился в городище с вестью.

— Вам нас не уберечь, если чернь ворвется в городище, — рассудительно сказал Александр. — Ратников у нас маловато, перебьют, как пить дать.

Мусуд, дивясь его спокойствию, ответил:

— Это верно, Олекса. Если увидим, что нельзя отбиться, будем спасаться бегством. Нам не храбрость надо сейчас показывать, а вас спасти от мятежников! Отвезём вас в Переславль к матушке, там вы будете в безопасности.

Прибежал один из ратников, и сообщил, что по дороге из Новугорода в Городище идёт большая толпа чернецов, вооруженных топорами и рогатинами, а впереди скачут на конях люди, размахивающие мечами.

— Слуги боярские! — догадался Мусуд и с ненавистью сплюнул. — За вами, княжата, идут. Что ж, скорей коней и прочь отсюда!

Заточник поднял крик, не желая оставлять в городище свои драгоценные книги и свитки. Он просил позволить ему остаться здесь и ждать судьбы, говоря, что стар и дряхл, и дорога верхом на коне все равно его уморит. Мусуд силой заставил его залезть на коня и сунул поводья в его руки.

— Неужто чернь, ворвавшись сюда и не найдя княжат, по голове тебя, старый, погладит? — прикрикнул он на Данилу.

Мусуд проверил, тепло ли одет Александр, не продует ли его от быстрой езды, затем легко забросил мальчика на своего коня. Кормилец тоже уже усадил Федора в седло, затем запрыгнул следом, так, чтобы княжич был прикрыт его спиной. Мусуд последовал примеру Федора Данилыча и, оказавшись в седле, крепко обхватил Александра рукой, словно опасался, что тот выпадет из седла.

— Уходим!

Княжичи и их охранники поспешно покинули Рюриково городище. Они уходили лесом, чтобы новугородцы не смогли выловить беглецов на дорогах. Скакали быстро, и, только удалившись на несколько вёрст, сбавили ход, чтобы дать коням перевести дух. Их маленький отряд поднялся вершину холма и оттуда им открылся вид на Волхов и Новугород, расположившийся по обе стороны реки. Вдали, окруженное лесной чащобой, спало под туманной дымкой Ильмень-озеро.

Татарин не удержался от ехидных слов:

— Глупый и горячий народ эти новугородцы! Но без батюшки твоего, князя Ярослава, им не прожить! Пожалеют они, что показали вам дорогу, крепкая рука им нужна, чтобы дурь-то из них выбивала!

Александр ответил ему неожиданными словами:

— Выбью я из них эту дурь!

И княжич бросил последний взгляд на детинец Новугорода, на купола собора Святой Софии, затем посмотрел на видневшуюся в стороне крепость, окруженную рвом и валом,

защищенную частоколом — Рюриково городище, откуда им пришлось сбежать. Глаза Александра заблестели, губы побелели — он был в ярости.

Отряд беглецов продолжил путь.

В прошлое ушли холодные дожди, превращавшие дни в сумерки, а землю — в мягкую черную кашу, и пришли на земли русские первые морозы. Земля отвердела, покрывшись ледяной коркой. Ветер, дыша холодом, носился по земле, срывая с деревьев последние листья и трепля облесший кустарник. Приближалась суровая зима.

Много дней ехали Фёдор и Александр, понуждённые бежать из вольного Новгорода, поднявшего мятеж. Вёл отряд Мусуд, хорошо знавший эти края. Путь их пролегал в стороне от многолюдных торговых путей, по которым ходили купеческие караваны. Опасно было появляться там малочисленному отряду во главе с княжатами, потому как в местах тех любили затаиваться разбойники, да и сами купцы часто не брезговали беззакониями. Проще на борзых конях, не выписывая кругалей по торговой дороге, прямо проехать через чащобы и поля по малоприметным тропам, вдоль речушек, не имеющих названий, не навлекая на головы бед.

Больше всех в этом пути страдал Данила — он был стар и немощен для верховой езды. Старик всё вспоминал о своих сокровищах, в спешке брошенных в Рюриковом городище и беспрестанно вздыхал, убеждая Мусуда и Федора Данилыча, что теперь ему и жизнь не мила.

— Горемычный я, бедовый! — рассуждал он. — Аки трава, растущая под стеною, на которую и солнце не сияет и дождь её не поливает!...

— Ладно тебе, старый, — отвечал на это Мусуд, желая развеять угрюмость в отряде. — Довольно убиваться. Князь наш Ярослав еще проучит этих новгородцев, да и вернёмся мы тогда туда с честью. Ну а в милости своей князь даст тебе множество других книг да свитков, раз они так любы тебе!...

— Ярославова милость — оплот твёрдый, — соглашался Заточник в ответ. — Что чернец, не озарённый милостью княжеской? Богатого человека везде знают — даже в чужом городе, а убогий и в своём городе ходит всеми ненавидимый. Богатый заговорит — все замолчат да вознесут его речь до облаков, а бедный заговорит — все на него закричат, потому что чьи одежды богаты, того и речь чтима. Никто не может соль пригоршнями есть, ни в горе быть разумным, так и я бы сравнялся с пылью дорожною, ежели б князь Ярослав не приголубил под своим крылом!

— И в правду много мудрёных слов знаешь! — посмеивался Федор Данилыч. — Что же ты всё о бедах да горестях? Взять надо было бабу богатую, да и построить дом-хозяйство как принято!

— Зло одно от баб, — сплюнул Заточник. — Что есть баба? Баба — торговка плутовая, людская смута, кощунница бесовая, ослепление уму, заводила всякой злобе! Уж лучше бурого вола в дом ввести, чем жену взять! Ведь вол не говорит, зла не замышляет, а баба, когда её бьешь — бесится, а когда кроток с ней — заносится; в богатстве горячкой становится, а в бедности других злословит. Червь дерево точит, а баба мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели бабе тайну поверять! Железо можно переплавить, а бабу научить нельзя! Баба хуже волка и змеи, и нет на земле ничего лютее женской злобы, из-за жены и Адам был изгнан из Рая!

Слова старца развеселили дружинников:

— А ведь Данила прав, как ни крути! От баб одно зло!

Пройдя по новгородским землям, они вышли к широкой и полноводной реке Волаге близ торговых переprav, где Мусуд рассчитывал пересечь реку на плотax. Но здесь беглецов постигла неудача — первый лёд сковал реку, остановив судоходство, и был еще слишком тонок, чтобы по нему мог пройти человек, не говоря уже о конях. Пришлось им повернуть коней назад и выйти к верховью реки, миновать торговый волок меж Двиной и Волагой, и оказаться в смоленском княжестве.

Запасы продовольствия и силы подходили к концу, а холода становились непримиримее. Мусуд, опасаясь за княжат и безопасность дальнейшего пути, решил изменить направление и повел отряд к Смоленску, где находилась вотчина князя Мстислава Смоленского, сердечного друга Ярослава Всеволодовича. Мусуд тешил себя надеждой, что Мстислав окажет честь сыновьям Ярослава и пригreet княжат на своей груди.

— Не раз Мстислав и Ярослав ходили рука об руку в походы, не раз вместе одерживали победы, — так татарин-телохранитель объяснил свое решение Фёдору и Александру. — Князь Мстислав, поминая о дружбе, которая связывает его и вашего батюшку, непременно примет вас, обогreet, накормит, да и подсобит как-нибудь в том, что с вами, княжатами, приключилось.

Данила, измученный тяжелой дорогой и прихворнувший от злого студёного ветра, обрадовался, услышав эти слова. Ему не терпелось оказаться на пышущей жаром печке и отогреть страдающее тело, вот уже который день и ночь терпящее боль от верховой езды и колючую стужу. Федор тоже просветлел лицом, предвидя долгожданный отдых. Александр же, хоть и молчал, видно было, что он благодарен Мусуду за такое решение.

Смоленск, расположившийся на реке Днепръ, встретил отряд оживленной людской сутолокой: так же, как и Новгород, он был богат торговлей. На дорогах, ведущих к Смоленску и мостах, переброшенных через рвы, грудились купеческие возки и телеги, которые оценивались служками городничего, меж телегами сновал народ — кто с коробом, кто с мешком, каждый занятый своим делом. Отряд, ведомый Мусудом, оттеснив телеги с моста, въехал в город через радимческие ворота. Пеший люд, вынужденный разбежаться перед княжичами и их дружинниками, поднимал недовольный крик, но, разглядев оружие и латы, прикусывал языки.

У ворот княжеской вотчины, расположившейся в северной окраине Смоленска, дружинники князя Ростислава задержали отряд. Мусуд, спешившись, важно обратился к одному из ратников, сторожащих ворота вотчины:

— Вели доложить князю Мстиславу, что прибыли к нему с визитом сыновья Ярослава Всеволодовича, князя Переяславского!

Ратник со всех ног бросился к княжьему терему, на высокой крыше которого блестел золоченый петушок. Мусуд выжидал с решительной невозмутимостью на лице, но в душе у него скребли кошки: кто знает, как Мстислав отнесется к княжатам! Ждать пришлось недолго — ратник вернулся и с глубокими поклонами пригласил Фёдора и Александра вместе с телохранителями проехать во двор вотчины. Мусуд с облегчением вздохнул.

Князь сам вышел на крыльцо встречать гостей; немолодой, сторбленный, но удивительно бодрый, Мстислав с искренней улыбкой приветствовал сыновей Ярослава. Каждого из них он приобнял, выказывая радость.

— Неужто вы птенцы Ярослава? — восклицал добродушно, разглядывая внимательно Фёдора и Александра. — Не привелось мне вас видеть ранее, а сколько лет-сколько зим уже не пересекались наши пути с вашим батюшкой!

— Отец наш под Ригой воюет, — ответил Александр, покосившись на почтительно молчавшего Мусуда. — Нас, сыновей своих, оставил он в Новугороде, да только не усидели мы там. Поднялся народ в мятеже, грозился нас с братом в талех взять, чтоб обезопасить себя от гнева княжьего. Мусуд и кормилец наш, — Александр кивнул на татарина и Федора Данилыча, — привели нас сюда, рассчитывая на твою милость.

Мстислав помрачнел лицом.

— О мятеже новугородском я знаю! — сказал он тяжело. Он распорядился проводить княжичей в сени княжеские и немедленно угостить на славу, да и про спутников их верных не забыть.

Позже, когда княжичи отдохнули от тяжелой дороги, он призвал их вместе с Федором Данилычем и Мусудом в гридницу. Усадив Фёдора и Александра на скамью против себя, Мстислав заговорил:

— Рад я и не рад, что оказались вы в вотчине моей! — начал князь не торопясь. — Рад, оттого, что люблю и жалую я отца вашего, Ярослава, и не рад, потому что, злой умысел новугородских смутьянов привёл вас сюда. Уж больно не спокоен этот град! От века был он вольным, не знал твёрдой княжеской власти; кто ему указ? Батюшка ваш, князь Ярослав, не раз был призван новугородским вече на княжение, чтимый за умение побеждать в битвах, но уж больно властен да суров он в обращении с поданными! Вот и выходит, что в нужде крайней, когда враг громит и жжет новугородские земли, они молят его прийти в поддержку, а когда сами в мире с латинянами да прочими словенами, то гнут свою линию да зазнаются! Докладывали мне, что Новугород поднял мятеж против Ярослава, и хвалю вас за предусмотрительность: бежали вы вовремя. Новугородское вече порешило призвать на княжение Михаила Черниговского. Всё с того, что послы сего князька, прибывшие в Новугород после вашего бегства, пообещали народу всяческие благи: Михаил клялся ни в чём не нарушать вольности тех земель, а чернь освободить от дани на пять лет. Вече отправило послов обратно к Михаилу с приглашением, но я, прознав про это, перехватил их в пути да заточил в поруб, дабы не смутьянствовали против Ярослава! Где ж этому князьку Черниговскому тягаться с Всеволодовичем? Жаден да слаб Михаил, — этим годом ходил войною на Каменец, да возвратился с одним стыдом за паухой, вот и хочет от чужого каравая кусок урвать. А к Ярославу я уже отсылал гонца — чтоб сообщить о мятеже в Новугороде да подлости Михаила, а сегодня отправил второго — дабы известить вашего батюшку, что его сыновья в безопасности.

Александр соскочил со скамьи и поклонился.

— Благодарствуем тебе, князь! За тёплый прием, за хлеб да соль, и за слова добрые! — сказал княжич Мстиславу.

— Будет вам! — Мстислав ласково улыбнулся Александру, подмечая, что тот весьма походит и лицом и статью на батюшку своего. — Оставайтесь у меня, отдохните да хвори подлечите, а там я вас домой и отпущу под охраной: дам для вас крепких коней и дюжину дружинников для оберёгу!

Так и порешили.

В гостях княжичам жилось отлично: Мстислав, не жалея ничего для них, кормил и поил лучшим, что было при княжеской поварне, брал на охоту вместе со своими старшими сыновьями, и позволял сидеть в гриднице, покуда он принимал послов да решал важные вопросы с подданными.

В начале зимы в Смоленск вернулись гонцы, отправленные к Ярославу и доложили

князю Мстиславу: князь Ярослав возвращается в Переяславль с богатой данью взятой у рижан, и, хоть и сердчает на непокорных новгородцев, рад заступничеству Мстислава Смоленского. Ярослав отправил с гонцами так же сундук, наполненный подарками для Мстислава и его родных: драгоценными мехами, тканями, выдубленной кожей, украшениями, золотыми и серебряными монетами, — в благодарность за сыновей. Богатые дары особенно умилили князя Смоленского.

— Хоть и суров он внешне, сколь долго его знаю, — сказал Мстислав, — но своих птенцов он любит. Не всякий князь так отблагодарит за сыновей! И, ежели Ярослав уже ждёт отпрысков, то немедля снаряжу их в путь да отправлю Переяславль под охраной!

Дав дюжину ратников, крепких и откормленных коней для всего отряда, да необходимого запаса в дорогу, смоленский князь простился с княжатами. Александру, полюбившемуся Мстиславу, перед самой дорогой князь подарил кривой кинжал украшенный самоцветами. Княжичи вновь отправились в путь. Впереди была дорога по Днепру и Волаге покрывшихся крепким льдом, к родным владими́ро-суздальским землям.

3. Анчуткина чащоба

Лес, подступавший к узкой тропе темными отвесными стенами, блестел под лучами холодного зимнего солнца — голые ветви деревьев и неказистые пучки кустарников, торчащие из снега, были покрыты инеем. Снег трещал под копытами коней. Пар густой струей вырывался из лошадиных ноздрей и оседал на морду, отчего казалось, что конские морды кто-то посеребрил. Отряд двигался молча — было слишком холодно, чтобы говорить, и люди ограничивались лишь необходимыми словами, которые выкрикивали, приспуская теплую повязку с лица. Лютый мороз никому не давал спуска: ни крепким и закалённым воинам, ни княжичам, ни старику Даниле. Холод превращал верхние одежды в негнущиеся панцири, сковывающие движения, а нижние одеяния насквозь промокали от пота.

До родного Переяславля оставалось немного: день пути, так как они свернули с торговой дороги и шли для быстроты не вдоль речушек, а густым лесом — по крестьянской тропе, соединяющей лесные деревеньки с Переяславлем.

Впереди, вынырнув из поворота, появились черные избушки, усыпавшие несколько ближних холмов. В селении слышался лай собак, а над избушками в безветрие зависло облако пахнущего березой дыма, лениво поднимавшегося из печных труб. Зрелище это обрадовало путников. Этот день вскорости должен был склониться к вечеру, и нужно было задуматься о ночлеге.

Федор Данилыч кликнул какого-то мужика с заледеневшей бородой, тащившего на горбатой спине связку хворостины:

— Э-эй, мужик! Как место это зовётся?

— Нет у этого места имени! Живём мы здесь и никак не зовёмся, — ответил мужик, не упустив оглядеть ни княжьего кормильца, ни других ратников.

— А следующее селенье далеко?

— Далеко! — крикнул мужик и почесал голову под завшивым и рваным собачьим треухом. — До вечеру не доберетесь, а ежели дальше сейчас двинетесь, ночевать в анчуткиной чащобе будете!

— Какая еще анчуткина чащоба? О чём толкуешь?

— Да туды! — мужик махнул рукой в сторону, куда уходила тропа, погружаясь в заснеженный лесной бор. — Лес этот у нас анчуткиной чащобой зовётся, нечистая сила, стало быть, там водится. Ночью бесы с нежитью поганой хороводы водют, песни поют, а

ежели путника какого поймают, то кровь людскую пьют!

Федор Данилыч переглянулся с Мусудом.

— Хватит о бесах! — отмахнулся татарин. — Укажи-ка нам избу побогаче да подобротнее для княжичей!

— Какие богачи! Мы все здесь беднее мышей лесных, — снова крикнул мужик, но, увидев недобрый блеск в глазах княжеских ратников, всё же указал на несколько домов.

Оставив мужика в покое, отряд двинулся к указанным избам. Селеньице и впрямь было бедным и захудалым, но пышущие жаром печки и полати для отдыха нашлись. Загнав коней в покосившиеся хлева и сараи, дружинники задали им корма из тех запасов, что взяли в Смоленске, а потом разбрелись по избам. Хозяйке, в избе которой остановились на ночевку Фёдор и Александр, Мусуд дал из запаса здоровую мороженую щуку, пшена и сала — чтоб приготовила брашно да накормила княжичей.

— И сами-то после похлебаετε, — добавил татарин, пожалев семью, принявшую их на ночлег: муж с женою ходили в ветхих одеждах, а дети и вовсе бегали по избе в гнилых тряпках; лица у всех угрюмые и худые, видно не раз приходилось голод терпеть. Баба, смекнув, что остатками приготовленной пищи она сможет накормить своих четырех отпрысков, согнала их всех один угол, дабы не мешали княжичам, и радостно засуетилась у большой, грубо сложенной печи.

Пока готовилась еда в печке, княжичи сидели молча — в последние дни они не ссорились меж собою, отчасти из-за того, что жизнь их стала беспокойна, и надобно было держаться крепко вместе. Старший брат водил носом по воздуху и облизывался, чуя запах рыбной похлёбки и жирной каши на сале. Александр разглядывал при неверном свете лучин шушукающихся напротив крестьянских детей — трех чумазых мальчиков и худую девочку с белесыми вихрами. Она, поглядывая исподлобья на княжича, застенчиво улыбалась. Александру хотелось подойти к ним, но гордость не позволяла. Данила сидел на лавке, подставив спину к горячей печной стене и громко храпел.

Хозяйка подала на стол и княжата с Данилой, которого не без труда растолкали, сели трапезничать. После, Фёдор, уставший с пути, плотно поев, сразу же увалился на полати, укрылся бараньей шкурой, и заснул. Захрапел на лавке у печи и Данила, а рядом с ним и Федор Данилыч. Александру спать не хотелось; устроившись на своем ложе он понаблюдал, как бедная семья доедает то, что осталось после их трапезы, потом заскучал. На глаза ему попался Мусуд, пристроившийся на лавке у двери и жующий сухарь.

— Мусуд, поди сюда! — позвал княжич татарина. Когда Мусуд пересел на полати рядом с Александром, тот сказал требовательно: — Скучно, Мусуд и сон не идёт! Ты богат на рассказы, потешь меня, не то с тоски взвою!

— Чем же тебя потешить? — хмыкнул Мусуд, погладив черную с проседью бороду. — Про героев заморских да богатырей былинных? Тебе это и Данила-книжник сказывает.

— Тогда о своём сказывай, этого Данила уж точно не знает, — ответил Александр. — А я послушаю.

— О себе? — Мусуд устремил свои черные глаза куда-то. — Трудно это сказывать да и путано очень.

— Говори!

— Эх, какой! Ну лады, расскажу. Родился я на реке Волаге, близ Хвалынского моря, отец мой торговым человеком был — судёнышко держал, торговал товарами разными: мехами, коврами, шерстью, возил персам мёд да воск, ну а старшие мои братья с ним

плавали. Как я подросток — отец и меня стал брать с собой впопыху. И вот однажды у персидских берегов налетели на нас ушкуйники лихие, побили людей отцовских и отняли у нас и товар и лодку. Отца разбойники повесили, а нас — сыновей его — привезли на арабский базар, где невольниками торговали. Там, на базаре этом, глядели люди на нас, как на скот, ну а затем меня разлучили с братьями... Купили меня люди с черными повязками на лицах, одели мешок на голову, забросили на борзого коня и поскакали неведомо куда.

— И где ты оказался? — спросил княжич.

— А привезли меня в горы. Там, за скалистыми уступами да глубокими оврагами, стояла крепость Аламут. Принадлежала она Горному Старцу — вождю бумурман-измаилитов, воюющих против всех неверных. Старец тот был жесток и могущественен, многие слышали его имя и боялись его — и султаны, и шахи, и короли заморские! Его убийцы были повсюду и не было места во вселенной, где мог бы спрятаться от кары тот, на кого указывал Старец... Меня заставили служить Старцу и я многое видел в его дворце: и райские сады для праведников с прекрасными гуриями, и отрубленные головы, пророчествующие о будущем, и многое другое...

— Отрубленные головы? — заинтересовался Александр. — Как же отрубленная голова может говорить?

— Мне то не ведомо. Но слышал я многие легенды и предания тамошних воинов, служивших Старцу. Говорили они, что Старец владеет тайнами, переданными ему предками, которые те получили от самого Пророка...

— Не понимаю, Мусуд, не спеши! — остановил его княжич. — Поясни всё о пророке! Кто такой? Он как апостолы при Иисусе Христосе?

— Нет, — татарин покачал головой. — Ты наслушался греческих басен, княжич. Хоть и греки и бусурмане чтят Моисея, Соломона, Авраама и Даниила как пророков, веры тут разные. По-вашему получается, что Иисус сын Божий, а по-ихнему — нет. Аллах послал Иисуса на землю как пророка, равного с прочими, а последним пророком стал Муххамад. Выполняя волю Аллаха, переданную ему через ангела Джибрила, Муххамад пророчествовал и обращал язычников в истинную веру. Он убеждал людей отказаться от поклонения идолам и предать душу Аллаху молитвой, не нарушать клятв, не грабить, не убивать, прощать долги бедным, чтить добродетельных женщин и не обделять наследством вдов. Муххамад совершал чудеса исцеления над хворыми людьми, восхваляя Аллаха. Но после смерти Муххамада, его сторонники, дружившие при жизни Пророка и любящие друг друга, разделились на два враждебных лагеря, и, деля власть над землями и верующими, озлобились друг на друга! Во дворце Старца я слышал, что после убийства угодного Аллаху халифа Али, последователи истинной веры и хранители тайн Муххамада, назвав себя исмаилитами, удалились в горы и остались там в ожидании.

— В ожидании чего?

— Все правоверные знают чего ждать — Страшного дня и Суда Аллаха над всеми людьми, пред чем вначале явится посланник Иблиса-диавола — Даджал, великий грешник и искушитель людей. Он который приведет с собой огромное войско, истребляющее и пожирающее всё живое. Затем настанет конец мира.

— И ты тоже ждёшь этого, Мусуд?

Татарин неопределённо пожал плечами:

— Я верю в это и этого достаточно. Ну а что до моей службы старцу — когда я достаточно подросток, то бежал из крепости, много дней блуждал без еды и питья по горам,

пока, наконец, не вышел к людскому жилью. Там меня спрятали от мстителей, посланных Старцем на мои поиски, и выходили. Я не мог остаться в горах, поэтому стал скитаться по свету; в крепости Старца меня славно обучили воинскому ремеслу — вот я и стал наниматься воином, сражаться по приказу, а когда лишался господина, то искал нового. Много я повидал в жизни...

— Говори подробнее!

— Пред тем как я пришел на земли русские служить, был я воином у хорезмшаха Муххамада, правителя, значит, Хорезма. То был глупый человек, недалевидный. Когда войско дикаря Темучина или, как его кликали, хана Чингиса, пришедшего из степей, завоевало Бухару и Самарканд, Хорезмшах не сделал ничего, чтобы усилиться и ждать нападения. А дикие народы, которые хан Чингиз сплотил под своим стягом, не знали поражений и покоряли одно царство за другим. Когда же хан Чингиз вошел со своим войском в Хорезм, то Муххамад вначале убил его послов, а затем струсил и бежал. Говорят, он умер в одиночестве и бедности.

— А Хорезм? — сверкнул глазами княжич.

— Покорили и разграбили. Реки крови были пролиты там... Я бежал из Хорезма вначале на половецкие земли, а оттуда к словенам. Ну а про Калкскую битву ты слышал и от других! Тогда два воеводы хана Чингиса — звали их Джабе-воевода и Субудай-воевода, пришли в половецкие земли, то тамошний хан бросился к русским князьям за помощью. Когда же войско русичей, которое вел твой славный дед Мстислав Удалой, и половецкое ополчение вышли супротив ратей Джабе и Субудая, то слабые половцы дрогнули и побежали, потоптав много русских воев. Враги побили сметённых русских ратников, и немногие тогда спаслись. Я, шедший на битву в русских рядах, раненный упал в реку и тем и спасся от смерти. После я пришел в дружину твоего батюшки, Ярослава Всеволодовича. Вот и весь сказ.

Александр зачаровано смотрел на Мусуда, потом потребовал:

— Сказывай еще! Еще!

— Нет уж, княжич! — проявил твердость Мусуд. — Наутро вставать да в путь, а ты требуешь речи сказывать! Спи, а завтра, ежели захочешь, снова расскажу что-нибудь.

Александр, не скрывая неудовольствия, растянулся на полатах. Впрочем, дулся он недолго — крепкий сон сковал его веки через миг. Мусуд укрыл его потеплее, любясь его умиротворившимся лицом и размышляя о том, что из этого любознательного и своенравного мальчишки вырастет в свое время красавец-богатырь. Повезло Олексе с отцом — Ярослав, хоть и крут на управу бывает, зато от сердца хочет вырастить своих сыновей и воинами и людьми учеными и — дай Бог! — при такой заботе все достоинства княжича расцветут как цветы полевые под ласковым солнцем. Охваченный внезапной жгучей привязанностью к Александру, Мусуд пожалел о том, что не ему суждено быть при княжиче наставником — ведь оказался он рядом мальчиком только по случайности. А ведь знает он, Мусуд, многое, то, что не ведомо Федору Данилычу да и другим русским богатырям — то, чему его научили в крепости Аламут — и передать бы эти навыки Олексе! Да только кто позволит?

У другой стены укладывалась спать деревенская семья. Мусуд подошел к печке и сел на пол рядом с кучей сухого валежника, предназначенного для растопки, прижавшись к ней спиной. Согретый, он, склонив голову на бок, прикорнул. Погасла последняя лучина и изба погрузилась во мрак.

С утра небо было необыкновенно ясным. Ни единое облачко не омрачало яркий

солнечный свет, и, так же как и вчера, воздух был совершенно неподвижен — ни малейшего ветерка.

— Добрая погода! — одобрительно кивал головою Мусуд. — Так мы мигом по Переяславля доберемся!

Дружинники, радуясь благоприятным обстоятельствам, уже прикидывали каждый своё: кто увидет милую жену, кто любимую девку, а кто — попариться в бане да сытно поесть. В отряде царили веселье и нетерпение: всем хотелось побыстрее выдвинуться в путь к стенам Переяславля. Когда княжичи сели на коней, из избы, принимавшей их на ночлег, выбежали двое мальчишек, старших сыновей хозяев. Надев лыченцы на босы ноги и кутаясь в рваные тулупки из собачьих шкур, они подбежали к Александру и Федору и отвесили неуклюжие поклоны.

Мусуд, проверяющий узду у княжеских коней, удивлённо поглядел на мальчишек.

— Вам чего надобно, мальцы?

— Светлые князья! Позвольте сказать! — наперебой заговорили мальчишки, толкая друг друга локтями. На вид им было не больше одиннадцати-двенадцати годков. — Не нужно вам сегодня ехать по той дороге! Переждать вам надобно!...

— Это еще отчего?

— Метель близится! Скоро закружит как бешеная! Оттуда метель придёт, — ребята ткнули пальцами куда-то на густой лес. — Мы-то знаем, не раз так было.

Дружинники, прислушивающиеся к словам мальчишек, недоверчиво захмыкали:

— Видно ли это, чтоб такое случилось? Идти нам осталось — всего ничего.

— Это всё анчутка бесится, — пояснили мальчишки. — Всякий год на Коляду он лютует в той чащобе, никому спокойного ходу не дает! То зверей диких напустит, то метель поднимет, то дорогу путает, а ежели кто ночью ему попадется — то живым уж из чащобы не выйдет. Только в конце седмицы, по воскресеньям, и унимается! А мы видим — небо прозрачное да воздух трусит, значит, анчутка решил метелью вас уморить.

— Что же ваш батька не вышел, да не заговорил сам? — спросил Александр, приспустив с лица повязку на кроличьем пуху. Смотрел он на мальчишек сердито, и те оробели под его взглядом. — Чего в избе хоронится, ежели знает верно, что в опасности мы?

— А мы сами вышли, не по батькиному наущению, — ответил один из мальчишек, помявшись немного. — Батька сказал, что вы не поверите, и всё равно отправитесь в путь. А мы, я — Гаврила да брат мой — Варанса, порешили: всё одно! Скажем, авось послушают!

Александр поправил повязку и отвернулся. Мусуд, похлопав коня по гриве, запрыгнул в седло, и сказал на прощанье мальчишкам:

— А ну, бегом домой, к мамкиному подолу, щенята! — и показал им кнут. Мальчишки, перепугавшись, бросились обратно к своей избе.

Отряд вышел на тропу, уходившую в лес. И вскоре селенье скрылось за порослью деревьев, встречавших путников при входе в вековой лесной бор. Морозный воздух очистился от запаха дыма, висевшего рядом с людским поселением, и острее стали ароматы леса — хвои и смолы, древесной коры. Чащоба, сжавшая узкую конную тропу с обеих сторон, со временем стала густой настолько, что меж стволов не стало видно никакого просвета. Отряд двигался быстро, бодро.

Солнце, всё так же ярко сияя, встало в полуденную точку на чистом небе, когда путники сделали остановку. Наломали сушняка, развели костры, в котелках натопили снега — чтоб теплой баландой напоить коней; дружинники, собравшись вокруг костров, хрустели

припасёнными сухарями, шумно разговаривали и посмеивались друг над другом. Княжичи, сидя отдельно, в обществе нескольких телохранителей и Данилы, жевали полоски сухого мяса с сухарями, запивая теплой водой. Мусуд заметил, что княжич Александр выглядит хмурым и спросил его, в чём дело.

— Тихо здесь, — ответил мальчик, покосившись на заросли березы, перемежающейся с сосной и кедром.

— И что? — удивился татарин.

— Али не чуешь, Мусуд? Птицы молчат, деревья молчат, и снег молчит, и отголоска не слышно.

— Чудно ты начал говорить, княжич! — улыбнулся Мусуд, а сам подумал восхищенно: «Ай да слух! Ай да нюх! Настоящий волчонок...»

Александр пожал плечами и вновь поглядел в сторону, прибавив негромко:

— Будто смотрит на меня кто-то.

Чуть отдохнув, они снова засобирались в дорогу. Забросав кострища снегом, путники оседлали коней и, продолжая переговариваться меж собою, двинулись в путь. Настроение у всех было приподнятое. Казалось, что долгожданный Переяславль уже находится за ближайшим поворотом тропы. Фёдор насвистывал какую-то веселую песенку, а Александр был всё так же насторожен — и, как зверь лесной, чутко прислушивался и приглядывался к чему-то. Мусуд искоса разглядывал своего питомца, гадая, что же такое пришло Александру на ум — уж не поверил ли он в рассказы этих тёмных крестьян-лесовиков?

Метель налетела неожиданно. Резкий порыв ветра взметнул снежную пыль, и ударил по путникам, едва не опрокидывая их навзничь. В чащобе послышался треск древесных веток. Небо в одночасье потемнело, став почти черным, а потом скрылось за пеленой бешеного снежного вихря, закрутившегося вокруг отряда. Лошади встали на дыбы, скидывая наездников, и, начали метаться, норовя вырвать поводья. Фёдор с криком упал на обледеневшую тропу и едва не был затоптан. Александр, безуспешно пытаясь усмирить своего скакуна, ещё держался. Мусуд, соскочивший со своего коня, старался ухватить княжича за ногу и кричал во всё горло:

— Прыгай! Прыгай! — но его голос тонул в вихре метели.

Александр, поняв, что его усилия бессмысленны, перекинул ногу и спрыгнул с седла в сугроб. Его конь рванулся вперед и пропал из виду; сметя с пути ратников, ещё несколько коней ускакали прочь, скрывшись за снежной завесой. Дружинники отчаянно пытались удержать оставшихся лошадей, а те — напуганные и ослеплённые — кидались из стороны в сторону, издавая визгливое ржание.

Мусуд и Федор Данилыч, схватив княжичей, потащили их в сторону, боясь, что ошалевшие животные могут затоптать их. Прижав Фёдора и Александра к стволу старой сосны, толстой и крепкой, телохранители накрыли их с головой меховыми плащами, защитив от ветра и снега. Мусуд вспомнил о старике Даниле. Оставив княжичей с кормильцем, он вернулся на тропу и отыскал того в глубоком снегу, куда старика скинул его конь. Данила не мог двинуть ни рукой, ни ногой, и татарину пришлось взвалить его на свою спину и отнести к сосне, где укрылись Фёдор и Александр. Затем Мусуд, тряхнув Федора Данилыча за ворот, проорал тому в лицо:

— Стой здесь с княжатами! Я за конями! — и кинулся туда, где мужики-дружинники боролись с конями, из последних сил удерживая их: снег слепил глаза, мешал дышать, а ветер валил с ног и оглушал своим воем. А если кони сбегут, то отряд лишится не только

скакунов, но и всех своих запасов. Мусуд пытался перекричать ветер, хватая поводья: — Привязывай их к деревьям! Привязывай!

Привязав одного брыкающегося коня к дереву, Мусуд побежал к другому, помогая спутникам, пока, наконец, им не удалось привязать всех уцелевших лошадей. Жмурясь от снежной пыли, которая забивалась в глаза, ратники накрывали коней попонами, старательно укутывая им головы и перевязывая веревками; так, чтобы животное не мерзло и могло дышать, но не видело метели. Кони успокоились. Дружинники сбились в кучи под деревьями, прижимаясь друг к другу, и удерживая над собою попоны, которую трепал ветер и засыпало снегом.

Мусуд, укрывшись с княжичами, Данилой, и Федором Данилычем, подсчитывал урон. Фёдор сильно расшибся и стонал от боли в руке, прощупав которую, татарин обнаружил несомненный перелом. Данила отбил себе спину и едва мог дышать от этого. А вот Александр не пострадал совсем.

— Не тужи, княжич, — успокаивал Мусуд раненого Фёдора, наспех в темноте и тесноте подвязывая мальчику руку к плечу тряпкой, чтобы облегчить боль. — Метель уляжется, тогда мы тебя и отвезем домой, в Переяславль, и всё будет хорошо.

— Больно! Больно! — вскрикивал Фёдор то и дело и заливался слезами.

«Не получится вам вернуться к вашему батюшке целыми да здоровыми! — подумал Мусуд с унынием. — Ах я, дубовая башка! Ну почему не послушал мальцов?...»

Над головами истощенно выл ветер, трещали ветки и бесновалась непогода.

Лишь к ночи метель улеглась, стихнув так же внезапно, как и начавшись.

Ветер угомонился, перестав гнуть деревья и поднимать тучи мелкого снега. Открылось небо, черное и усыпанное серебряными звездами, безоблачное, как будто и не было в помине никакой бури. Откинув попоны, люди начали выбираться из убежищ, и оказывались в глубоком снегу, поднявшимся в иных местах до пояса. Тропу, по которой они шли в Переяславль, замело начисто. Бранясь на землю и небо, ратники начали расчищать путь к привязанным неподалёку лошадям, чтобы снять с них вьюки с запасами жита. Отряду предстояла ночевка.

Из двадцати двух лошадей, сопровождавших отряд, отбились и убежали четверо, но, к счастью, это не нанесло существенного удара по запасам отряда. С горем пополам, очистив место для костра, развели у деревьев огонь. Поближе к теплу усадили пострадавших Фёдора и Данилу, которым для усыпления болей Мусуд дал разбавленной водой медовухи, хранимую им для крайнего случая.

— Что будем делать наутро? — спросил Александр Мусуда.

— Что делать будем? — вздохнул татарин; он резал сухое мясо на коленях. Отложив нож, он задумался ненадолго, потом вновь взялся за мясо, и, не глядя на княжича, ответил: — Пойдём дальше. Дорога тут одна, не собьёмся.

Александр, удовлетворённый таким ответом, больше его ни о чём не спрашивал. Пожевав мяса и сухарей, он пододвинулся к костру и, подложив под голову какой-то куль, лёг. Несмотря на боль и холод, Фёдор уже спал, опьяненный медовухой, устроившись на подстилке из плащей и попон, рядом с ним прикорнул Данила, даже во сне охающий от боли в спине.

«Надобно было старца в Смоленске оставить! — думал Мусуд виновато. — А ежели помрет? Куда мне его смерть?»

Понемногу отряд устроился: ратники развели еще костер чуть в стороне, отогрелись и,

приободрённые затишьем метели, стали ждать утра. Тишина застыла в чашобе, как бы говоря, что все опасности позади и нужно позабыть страхи. Дружинники один за другим уснули у огня.

Позже, когда бледная луна закатилась за черную макушку ночи, Мусуд встал, чтобы подбросить в огонь сушняка, и увидел, что Александр не спит. Мальчик лежал с широко открытыми глазами, пристально вглядываясь куда-то в темноту.

— Ты чего не спишь, княжич? — склонился над ним гридник. — Болит чего?

Александр перевел взгляд на него.

— Не болит. Не спится мне.

— От чего же? Замёрз?

— Нет. Смотрит оно на меня, вот заснуть и не могу.

Мусуд вздрогнул от этих слов, испугавшись: не ударился ли всё ж Александр головой?

— Кто смотрит? Ты что такое говоришь?! — сняв рукавицу, он положил ладонь на лоб мальчика. — Бредишь?

— Да не брежу я! — Александр скинул руку Мусуда, и, приподнявшись на локте, указал в темный лес. — Там стоит кто-то за деревьями и всё смотрит сюда.

Татарин вскочил на ноги и уставился, что есть силы, туда, куда указывал княжич. Рванный и неверный свет, падающий от костров, вырывал из мрака ближайшие деревья, не проникая дальше. Мусуд ничего не увидел. Но он чувствовал, что Александр не стал бы так обманывать его.

Мусуд растолкал одного из ратников:

— Подними нескольких мужиков, да смотрите во все глаза. Видно рядом волки ходят: кабы не напали. А мы с Федором Данилычем вокруг осмотримся. Понял ли?

— Понял, — коротко ответил тот и, поднявшись, стал будить ближайших к нему дружинников..

Федор Данилыч и Мусуд сунули в огонь ветки, и, выждав, пока они не разгорятся, взяли их в руки как факелы. С обнаженными кинжалами они шагнули туда, где сгущалась тьма. Ноги проваливались в снег, но два ратника упорно продвигались вперед, выставив вперед объятые огнём ветки. Так они обошли лагерь кругом, и ничего не нашли.

— Если это волки, или какой другой зверь, то где следы? — проговорил княжий кормилец недоуменно.

— Да, следов не видно, — согласился Мусуд озадаченно. Неужто Александру привиделось что-то и мальчик принял ложь за явь? Они вернулись к разбитому лагерю, позволив разбуженным ратникам вернуться к отдыху. Александр выжидающе смотрел на Мусуда, и тому пришлось сказать: — Глаза тебя обманули, княжич. Никого там нет.

— Даже белка не пробегала! — прибавил Федор Данилыч, подбросив в огонь веток, и протянув к нему ладони, чтобы обогреться. — Все волки сейчас носы в хвосты спрятали да отсыпаются! А у страха глаза велики! Так что спи спокойно, княжич.

Александр, несмотря на мороз, весь вспыхнул.

— Ты думаешь, я с испуга наговорил? — словно выплюнул мальчик эти слова. — Это у меня со страху глаза не то видят, а уши не то слышат? У меня?!

— Полно тебе, Олекса! — быстро заговорил Мусуд, пытаясь успокоить осерчавшего княжича. — Кто не ошибается?

— Я не ошибаюсь! И нечего мне испуг заячий приписывать! — еще более вспыхнул Александр. Он вскочил на ноги и заявил: — Сам пойду да посмотрю! Докажу, что не трус.

— Да ты что! Да ты что! — татарин ухватился за мальчика, удерживая его. — Куды пойдёшь?! Стой, не гневись! Кто ж о тебе, светлый княже, плохо думать осмелится?!

— Отпусти, всё равно пойду! — огрызнулся Александр.

— Прости меня, княже, — ласково заговорил Федор Данилыч, сообразив, что ненароком оскорбил княжича: — Прости! Уж не гневствуй, слово ведь не птица — вылетит, не поймаешь! Прости!

Александр медлил, всё еще злясь. Потом он оттолкнул в сторону телохранителя и вернулся на прежнее место у костра. Мусуд бросил выразительный взгляд на Федора Данилыча, покачал головой, и тоже сел.

«До чего горд! Батюшкина кровь пылает!» — недовольно подумал кормилец и лег, укрывшись плащом.

Мусуд постучал ногами друг о дружку, чтоб немного разогнать кровь, и поглядел на звезды, прикидывая, сколько осталось до рассвета. Вдруг он услышал, как вскрикнул подле него Александр. Повернувшись к княжичу, татарин проследил за его взглядом: тот вперился в одного из ратников, сидевших у костра. Тут и сам Мусуд не смог сдержать возгласа.

На плечах сгорбившегося пред костром мужика сидело, свесив ноги, оканчивавшиеся крупными копытами, на грудь человеческую, чёрное чудище. Сложением оно походило на человека, да только всё словно поросло собачьей шерстью. На месте шеи чудища росло свиное рыло и морда у чудища была свиная, только зубы в открытой пасти — длинные и острые, как у волка али медведя. Когтистыми лапами чудище обхватило голову ратника.

— О, Аллах! — воскликнул Мусуд, у которого сердце от такого зрелища ушло в пятки. — Аллах! Прибегаю к Господу зари от того, что Он сотворил в ночи! От зла мрака, когда он землю покрыл! От зла колдуний, дующих на узлы! Прибегаю к Господу рода людского, Царю рода людского, Богу рода людского от наущения сатанинского злого, что вселяет искушение в сердца рода людского, из джиннов, чья мать Лилит, и рода людского!...

Ни бедолага ратник ни чудище не шелохнулись в ответ на его слова. Лицо ратника, несмотря на открытые глаза и моргающие веки, показалось мертвым. А чудище, сжимая его голову, ухмылялось. Александр, поборов оцепенение, закричал звонко:

— Проснитесь! Други верные, вставайте! Враг нагрязнул!

Дружинники, приученные бросаться в бой при первом же кличе, пробудились от крика княжича. Схватившись за оружие, они вскакивали на ноги, готовые сразиться с врагом. Федор Данилыч, только задремавший, подскочил, словно ошпаренный: «Где? Что?»

— Княжич! — Мусуд схватил мальчика за руку и притянул к себе, намереваясь, если понадобится, закрыть Александра собою. — Отойди от него! Все боги небесные, что за проклятье?

Дружинники, обступившие с обнаженными мечами несчастного своего соратника, растерялись, страшась приблизиться к нему. Разлепивший веки Фёдор, вначале непонимающе моргавший глазами, захлёбываясь криком, принялся расталкивать Данилу.

— Чего стоите?! — крикнул Александр. — Убейте его! Убейте!

Приказ юного князя подействовал на воинов: они бросились на оседланного бесом соратника. Когда же пронзённое мечами тело упало наземь, обнаружилось, что чудища ни на нём, ни рядом — нет. Но ждать долго не пришлось: оно уселось на шею другого мужика, одного из тех, что шли с княжичами из Смоленска. Свиное рыло ухмылялось и скалило зубы на ошеломлённых ратников.

— Чёрт зубастый! — выдохнул Федор Данилыч, сжимая в дрожащей руке кинжал.

— Убейте! — приказал Александр решительно. — Убейте тварь!

Мусуд бросился вперед и первым нанёс удар — ратник с рассеченной грудью упал на снег, заливая его густой парной кровью. Чудище же растаяло в воздухе. Дружинники испугано заозирались по сторонам, со страхом гадая, появится ли этот нечистый снова.

— В оба смотрите! — велел Мусуд, стараясь подавить ужас, мёртвой хваткой вцепившийся в его сердце. Ему вспомнились всё страшные сказы, которые довелось слышать за свою жизнь: о шайтане, о слугах его джиннах, об окаянных еретиках, о ходячих мертвецах, о рогатых супостатах...

— Гляньте! Гляньте! — закричал кто-то.

Проклятое чудище выросло из-под земли за спиною раненого Федора, который, хныкая, пытался разбудить Данилу. Тварь не могла усесться на шею Фёдора, оттого, что тот был мал, но ухватила его за шею да, разорвав ворот тулупа, впилося в его шею клыками. Мальчик взвизгнул, затем затих, обмякнув в кольце когтистых рук.

— Господь всемогущий! — простонал Федор Данилыч. Среди внезапной тишины стало вдруг слышно отвратительное чавканье, которое издавало чудище, присосавшееся к княжичу Федору.

— Убейте же этого поганого! — Александр толкнул будто бы окаменевшего кормильца что есть силы. — Или нет у вас рук?!

— Что толку? Мы убьем княжича, а оно запрыгнет на одного из нас! — ответил Федор Данилыч дрогнувшим голосом. — Ишь, его ни меч ни кинжал не достает! Хитрит бес! Так до утра мы друг друга как пить дать порешим!...

Александр отступил от кормильца, пораженный своим открытием: наставник его испугался, трясется от страха! Мальчик бросил последний взгляд на несчастного Фёдора — глаза старшего брата еще жили, а лицо мертвело с каждым мгновением. Княжич, перестав колебаться, кинулся туда, где лежало его — еще детское по всем меркам оружие, — и поднял лук, подаренный ему отцом для науки стрельбы. Александр попробовал натянуть тетиву, но не смог — не хватало свободы движения. Тогда кинжалом он разрезал тугой пояс, срезал петли, и, скинув тулуп на снег, снова взялся за лук.

В тот миг, когда Александр, не тратя времени на прицеливание, натянул тетиву, Федор Данилыч оглянулся на своего питомца.

— Олекса — нет! Нет!

Стрела, взвизгнув в морозном воздухе, вонзилась в глаз, пробила череп, и вышла с противоположной стороны. Со стального наконечника закапала черная и густая, как воск, кровь. Чудище, прилепившееся к Фёдору, отпустило мальчика, покачнулось на кривых мохнатых ногах, и замертво повалилось наземь. Копыта дрогнули один раз — другой... и замерли. Мусуд подбежал к телу чудища и не без опаски склонился над ним. Тварь не исчезла в этот раз, не растворилась в воздухе, а лежала убитая.

— Мертвая! Мертвая! — крикнул Мусуд соратникам. — Князь прибил её стрелой!

Осмотрев Фёдора, татарин сообщил, что мальчик жив, но без чувств. Это принесло всем облегчение. Мусуд укутал княжича как можно лучше и пододвинул к костру, чтоб обогрелся.

Александр продолжал, несмотря на колючий холод, крепко сжимать лук, горящим взглядом буравя Федора Данилыча, стоящего с потерянным видом. Внезапно мальчик вынул из колчана еще одну стрелу. Натянув тетиву, Александр без малейшего колебания выстрелил в сторону своего наставника: стрела чуть не задела его щеку и впилаясь в темный ствол сосны позади Федора Данилыча. Кормилец вздрогнул, а дружинники, увидев это, вмешаться не

посмели; они знали — по праву и обычаю князь может покарать тех, кого заподозрил в измене или трусости. Они не видели сейчас пред собою восьмилетнего мальчика, чей маленький нос покраснел на морозе, а побелевшие руки сжимали детский лук; они видели властного и сильного князя, которому обязаны подчиняться.

Александр приблизился к своему наставнику, пронзительно глядя на него. Он не промахнулся, стреляя в Федора Данилыча, а дал знак, с древних времен означающий, что подданный князя лишился его доверия.

— Тебя мой отец поставил хранить мою жизнь и жизнь моего брата, — сказал княжич. — А ты трусил, ты отступил перед врагом. Трус не может защищать княжескую спину! Трус не может учить князя воинской доблести, не может наставлять его в ратном деле!

— Твоя воля, князь, — прошептал кормилец, опустив голову. Чудилось ему, что с ним говорит не Александр, а его отец — грозный князь Ярослав и от чувства этого Федору Данилычу становилось страшно.

Александр помолчал, затем сказал твердо:

— Запомни, куда попала эта стрела! И запомни — она может прилететь и прямо в сердце!

Он отвернулся и зашагал туда, где лежал его тулуп. Мусуд, поняв, что Александр закончил с управством, прочистил горло и обратился к нему:

— Князь! Сжечь надо бы тварь. Так вроде принято с нечистой?

— Так сожгите... и других — тоже... — ответил Александр, натягивая тулуп на окоченевшие плечи и не глядя ни на кого.

Несколько ратников корягами потеснили мертвое чудище в сторону, следом бросили на него убитых ратников, закидали всё сушняком да корой и подожгли; когда огонь занялся, бросили весь запас дров, чтоб от жара и кости прогорели. Запахло паленой шерстью и жженым мясом.

На восходе небо заалело, а звезды поблекли. Долгая ночь подошла к концу. Медленно, крадучись, на лес наступал рассвет, загоня тьму в расщелины, овраги, ямы, под валежник и бурелом, где тьма еще поклубилась немного, пока окончательно не растаяла. Пришло долгожданное утро.

Фёдор очнулся и, постанывая, попросил воды. Ему дали талого снега и еще медовухи, чтоб прибавить сил. Княжичу стало легче, и он спросил, что же произошло.

— Жутко сказывать, — ответили ему. — Анчутка в гости захаживал!

— Анчутка? — слабо переспросил княжич.

— Бес лесной! Правду лесовики говорили — обитался он здесь... Говорят, раньше она, эта чертовщина разная, от людей вовсе не пряталась, на глаза всюду показывалась. А нынче век люди живут и даже вполглаза не встретятся с лукавым, и уж веровать-то перестают, что есть оно — зло это где-то!... А мы вот повстречались, себе на горе...

Всем не терпелось покинуть это проклятое место. Перед отбытием Александр отдал приказания двум ратникам: одному велел посадить пред собою в седло ослабевшего Федора, чтобы следить за ним, а другому — позаботиться о несчастном Даниле Заточнике. Оседлав коня, Александр повернулся к Мусуду и сказал просто:

— Ты, Мусуд, поедешь о мою правую руку, — и тронул коня.

Федору Данилычу ничего не оставалось, как плестись позади. Александр, гневясь, отвернул свою благосклонность от его лица — юный князь сам назначил себе охранителя.

А впереди была извилистая лесная тропа, и стены черного леса, прикорнувшего под искрящимся на солнце снегом. Впереди был путь, который должен был вывести их к родной вотчине княжичей Фёдора и Александра: Переяславлю-Залесскому.

4. МУЖСКИЕ ДЕЛА

— Ай, стой! Погоди, сына! Погоди!.. Куды?!

— Отпусти, довольно за меня хвататься. Отпусти!

— Не пущу! Хоть бей, хоть убей, не пущу!..

Дверь, ведущая в сени, со стуком распахнулась, и появился взъерошенный, как боевой воробей, княжич Александр, за ним, уцепившись руками в плечи мальчика, семенила голосящая княгиня Ростислава.

— Довольно, я сказал! — Александр вышел на широкое крыльцо княжеского терема, и стряхнул со своего плеча руки мачехи. Он весь раскраснелся от гнева, и кусал себе губы. — Виданное ли дело, чтоб ты меня пред батькиными дружинниками позорила?! Хочешь, чтобы мужики потешались надо мной и за спиной судачили? Ступай в терем, женщина, и не лезь в мужские дела!

— В терем?! А ежели что с тобой случится, а? Не пущу! Спать не буду, есть-пить перестану!

Александр отмахнулся от мачехи и бегом спустился с крыльца. Тут же, на просторном дворе его уже ждал оседланный вороной конь, а рядом — полдюжины вооруженных и готовых вскочить на своих скакунов ратников. Все они скрывали улыбки, наблюдая за тем, как юный князь отбивается от заботы княгини, не отпускаявшей его на охоту. Княгиня Ростислава, еще молодая и красивая женщина, дочь знаменитого на русских землях князя Мстислава Удалого и верная супруга Ярослава Всеволодовича Переяславского, кинулась догонять Александра, который как ветер запрыгнул в седло своего коня. Ростислава перегородила ему дорогу, широко расставив в стороны руки и, плача, спросила:

— Что же ты, Олекса, по мне проедешь?!

— Уйди прочь с дороги! — лицо Александра исказилось, а руки судорожно сжали конский повод.

— Хочешь идти на охоту — пусть твой конь по мне пройдет! — продолжала настаивать княгиня, обливаясь слезами. — Не пущу, слышишь? Не пущу!.. Загрызет тебя серый волк, никогда себе не прощу! Умору себя!

Александр с мучением огляделся вокруг, сгорая от стыда: на эту сцену сбежались потаращиться все обитатели княжеской вотчины. И дружинники, и разнообразные челядинцы, и девки — прислужницы княгини, и бабки-приживалки. На крыльцо вышли два брата Александра — старший Фёдор, и младший — семилетний Андрей, а с ними дородная мамка-нянька, ходившая за пятилетней Аленой — единственной пока дочерью Ярослава и Ростиславы... Все, сдерживая смех, смотрели на стычку мачехи и пасынка.

— Не смей меня позорить, женщина, — предупредил княжич, снизив тон.

— Мал еще для иного позору! — ответила княгиня Ростислава. — Что тебе не имётся здесь, в Ярославовой вотчине? Куда тебя всё тянет? Все тебе угождают, все развлекают... А ты! Образумься! Вот вернется отец твой, князь Ярослав, тогда оденет на тебя узду! Уж он-то не позволил б тебе идти охотой на волка-людоеда!

Княжич уставился на мачеху горящим взором: он старался сдержать злость, рвущуюся наружу — княгиня же упорствовала в своём. Его глаза, так напоминавшие отцовские, сцепились с полными слез, дышащими добротой и любовью, очами Ростиславы. Гнев

исказил лицо одиннадцатилетнего Александра и зрители, собравшиеся во дворе, невольно подметили что-то языческое и дикое — чуждое православному духу — в чертах его юного лица. Одетый в удобные и легкие одежды, какие требовались охотнику, с кривым кинжалом за пазухой, луком и колчаном со стрелами-срезнями на седле, Александр замер на коне, неестественно выпрямившись, словно палку проглотил.

— Олексашенька! — обнадёженная его долгим молчанием, залепетала ласково Ростислава. — Олексашенька! Ну хватит серчать! Слезай с коня, айда в терем, там ты кваску выпьешь! Ну?

В ответ ей Александр стегнул витнем своего скакуна и с места развернул его: конь, вздыбившись, с громким ржанием рванулся в сторону, пролетел мимо крыльца, разогнал зевак у дворовых построек, и, таким образом обогнув княгиню, устремился к распахнутым воротам. Княжич звонко гикнул, и ратники, услышав клич, вскочили на коней и устремились за ним. Подняв облако пыли, они скрылись за воротами вотчины.

— Куда же ты! Олекса! Олекса! — в отчаянии запричитала княгиня, беспомощно проводив глазами пасынка и его спутников. Несмотря на все её старания, они улизнули и только Бог ведал, что могло случиться с Александром!

Ростислава ухватила за сердце, зашаталась, и упала бы, если бы не заботливые дворовые бабки, подхватившие её под руки. Кудахтая, они отвели княгиню в терем, где, усадив в светелке подле окна, привели в чувство студеной водой. Ростислава, отойдя от помраченья, вновь залилась слезами; её не утешила даже Алена, прибежавшая к матери. Княгиня отослала дочь с нянькой, чтоб та не печалилась рядом с нею.

Старухи меж собой, собравшись кружком в сторонке, шептались, спрашивая друг друга, что же произошло меж княжичем и его мачехой. А оказалось вот что: вблизи Переяславля этим летом объявился волк-людоед, загрызший уж с дюжину крестьян чуть ли не у самых городских стен. Люди всполошились, нашлись добровольцы — решили облаву устроить, вытравить косматого да и снять с него шкуру. Узнав о сём, Александр пришел в восторг и объявил тотчас, что тоже будет участвовать в травле вместе со своими телохранителями. Это обрадовало добровольцев, всё-таки княжеские ратники не крестьяне да холопы — а надежные воины и опытные охотники. Княгиня Ростислава, сведав про планы пасынка, ужаснулась и попыталась остановить его. Но разве княжич будет слушать её?... А князя Ярослава нет; в Суздале он, где собрались многие знатные и могущественные князья на великий совет: там Ярослав решает судьбу Михаила Черниговского. Так что некому образумить княжича, некому одёрнуть да приструнить! А охрана Александрова выполнит любой каприз мальчишки.

Княгиня, не желая, чтобы её расстройство видели столпившиеся в светёлке приживалки, велела им уйти, позволив остаться только одной — Дуняше, той, что доверяла и с которой одинокими вечерами вела долгие беседы. Ей она и принялась выговаривать свои тревоги и боль:

— Ох, горе мне, горе!... Ох, ноет сердце, не могу! Как же могла я упустить сына на эту охоту? Что ж делать мне, несчастной?!...

— Не убивайся так, милая! — сказала бабка ласково. — Не один же Александр отправился на охоту, охрана его с ним. Они его оборонят от опасности. Оборонят!

— Дуняша, Дуняша! — зашептала Ростислава. — Как не убиваться? Пусть не носила его под сердцем, пусть не рожала в муках, зато люблю его пуще, чем если б родным был!.. Помню, принесли его ко мне в светелку: улыбку, глазки его увидела и поняла: моё это дитя,

что воля на это божья! Сама его пеленала, купала его, кудри его расчесывала гребенкой, выхаживала!... А он? Не любит меня Олекса! Ой, не любит!

Когда бабка принялась разубеждать её, она прибавила горько:

— Не любит! Забирали у меня Федю, чтоб кормильцу передать — так он плакал да голосил как резаный, всё прибежал ко мне да на коленях у меня хоронился от своего наставника! Андрюшу забрали — он меня умолял остаться с ним, а сейчас порою приходит в светелку и ласково разговаривает со мною, про радость и про кручину рассказывает!... Олексу забрали — так он даже не оглянулся на меня, забыл сразу же про меня, не горевал, не убивался! Не нужна я ему!... Сердце у него черствое, не отзывчивое!

— Что поделать, княгинюшка, — покачала головою Дуняша, успокаивающе поглаживая Ростиславу по белой руке. — Таков уж обычай: мож суров, но обязателен. Кто ради материнской боли будет его переиначивать? Так уж повелось: княжий сын с мамкой милуется до Пострига, а там, как состригут в назначенный срок с молитвами его кудри, так отдаётся он на воспитание мудрому воину, чтоб кормилец тот вырастил из него крепкого, славного мужа. И нельзя уж мамке приласкать сына да потискать в объятиях как прежде. Нельзя уже матери уму-разуму дитя учить, да наставлять по-своему, по-матерински!... А что холоден Олекса — так это в батюшку сын пошел. Ведь князь Ярослав и суров и строг — и не улыбнется, не пошутит, а только знай — смотрит своими грозными очами так, что горло перехватывает! Зато супруг твой, Славушка, князь знаменитый, бесстрашный, а значит, и сыновья его будут славу стяжать и страха не ведать!

Ростислава еще пуще разрыдалась, качая головой:

— У Ярослава сердце бесстрашное, это так. Но до чего черствое!... Что я ему? Калитя ему дороже, чем я... Когда отдал меня отец ему в жены, разве думала я о том, что Ярослав сребролюбив и ко мне безразличен? Пятнадцать годков мне было от роду и, кроме мамкиных и нянькиных объятий, иных я ласк не знала!.. Первое прикосновение мужнино для меня откровением стало и сладостней того откровения я не знала и не знаю... Полюбила Ярослава без памяти, отдала всё что было, старалась, угождала... Но не нужно было ему супружеского счастья! Ему земли нужны богатые, города торговые. Задумал он свой порядок навести на землях новгородских и владимирских — так братьев своих меж собой рассорил и на отца моего войною пошел. А когда к тестя присоединился и брат его родимый — Константин, то и на него руку поднял, позабыв всё святое...

Бабка заохала, прижимая ладони к щекам.

— Я тогда уже родила Феденьку, первенца моего... — вспоминала княгиня, — Ярослав оставил меня здесь, в своей вотчине, а сам на брань отправился. Разбили его тогда, полонил его мой отец. О, сколько всего я тогда натерпелась! Думала — если отец мой родимый убьет Ярослава, то и сама жить не буду! Поднимусь на башню — да и кинусь вниз! Так и решила... А потом ратники отца за мной прибыли — батюшка миловал Ярослава, но меня решил у него отнять в наказание за предательство... Увезли меня силой, вернули к отцу, разлучив и с мужем и с сыном... Разлука эта была горше смерти! Молила я отца — руки его целовала, в ногах его валялась — чтоб позволил он мне вернуться к Ярославу! Как я просила его! И отец со временем сжалился надо мною, горемычной, сменил гнев на милость и отправил меня к мужу...

— Батюшка твой, Мстислав Удалой, был благородным, славным мужем! — прибавила Дуняша со вздохом. — Да будет земля ему пухом, а слава его имени столпом в веках!

— Ох, Дуняша!... Знаешь ли ты, что увидела я, вернувшись к мужу? Ярослав даже не

думал вырывать меня из отцовских рук! Он смирился с похищением и позабыл обо мне!... — Ростислава уронила голову на руки и примолкла. Дуняша ласково приобняла её, утешая, и княжна глухо заговорила вновь: — Успел Ярослав в мое отсутствие и жениться вновь и вдовцом стать — жена родила ему сына да и умерла чрез полгода! Меня он принял назад, супругою назвал и ложе его согреть дозволил... да только не стал ко мне ласковей и ближе, не узнала я его любви сердечной! При свете дня Ярослав меня и не замечает, лишь ночью темной вспоминая, что есть у него супруга! Тень безвольная я подле него, а не душа его!...

— Полно, полно тебе, княгинюшка! Вода камень точит — так и терпение, забота и ласки женские черствость мужскую изводят. Не любил — так полюбит! Время пройдет и привыкнет муж к ласке, прикипит сердцем за заботу! И никуда после этого не денется, ясынька ты моя.

— Крепче камня Ярослав! Ничто не тронет его сердца... И страх меня берет с того, что Олекса пуще всех на отца похож! Ой, болит из-за этого моё сердце!

— Да разве худо это? Эвон, какой богатырь растёт! Все им любят.

— Отцовская кровь в нём горит, а ежели так, то бессердечен он так же, как и Ярослав. Но худо не это, а то, что Ярослав ни перед чем ради желанной добычи не останавливается... Он поднимал руку на родичей, на единокровного брата — и снова это сделает — сейчас или потом. Для него клятвы и кровное родство значат не больше, чем пыль на дороге!

— Что ты! Что ты! — испугалась Дуняша, и опасно оглянулась: не подслушивает ли кто? — О чём ты толкуешь? Да разве Олексашенька сможет когда-нибудь из корысти поднять руку на родичей своих?

Ростислава уставилась покрасневшими глазами в распахнутое окно. За ним цвел месяц зарев да последние деньки пред яблочным спасом, наполненные мягким солнечным светом, теплым небом и душистым ветром.

— Сможет, — выдохнула она так тихо, что и сама себя не услышала.

Александр в сопровождении своих охранников промчался по улицам Переяславля, вынуждая прохожих жаться к стенам домов. За воротами, у рва, уже стояли мужики, вызвавшиеся идти на волка-людоеда: вооружены они были луками, топорами и кинжалами. Рядом с охотниками бегали два крупных пса с широкими мордами, это были загонщики, натасканные охотиться на крупных зверей.

— Исполать тебе, княже! — поздоровались они почтительно с Александром.

— Напали ли вы на след серого? — не теряя времени осведомился княжич.

— Да, заприметили. Он в кедровой роще хоронится, — один из мужиков, опираясь на длинное древко топора, ткнул пальцем в лесной бор, в половине версты от города подступающий к торговой дороге. — Образина эта оттуда на людей и кидается всегда.

Александр, прищурившись, поглядел в указанном направлении, чуть склонившись к конской холке.

— Как тебя величают?

— Тоха Бытчович, княже, — ответил мужик. — Я-то и нашел волчьи следы.

— Вот и поведёшь нас к его логову, Тоха.

Тут послышались тонкие девичьи голоса, звеневшие от веселья: от Клещинского озера, на берегах которого стоял Переяславль-Залесский, шли девки с полными корытами прополосканного белья. Одеты в тонкие сорочки и легкие сарафаны, простоволосые, молодки шумно говорили друг с другом, а, как только кто-то из них отпускал шутку, то

хотали во всю плотку. Рядом с девками, которым с виду было тринадцать-четырнадцать лет, крутились босые пареньки; видно, они пошли с девками для безопасности. Парни старались ухватить кого-нибудь из девок — да потискать хорошенько, а юные проказницы радостно визжали в ответ на их приставания.

— Ой, девчата! Девчата! — крикнул кто-то из девок. — Гляньте! Это же княжич! Вон, на вороном коне! Да, точно он!

— Да, верно, княжич Александр это! — подтвердил один из юношей.

Девки да парни притихли, все приглядывались, стараясь не пропустить ни одной мелочи в облике Александра. Из трёх старших сыновей князя Ярослава о нем в Переяславле-Залесском говорили чаще и больше. Что было тому причиной? Может, то, что первенец Ярослава — княжич Фёдор — не часто показывался на глаза простому люду? Не любил сидеть в гриднице, когда Ярослав принимал выдвигенцев из народа, выслушивая их жалобы и просьбы, хотя Фёдор должен был вскорости стать правой рукой своего отца и уметь мудро управлять народом? Александра же и его верного охранителя и кормильца — татарина Мусуда — часто можно было увидеть верхом на коне в окрестностях города, когда он охотился или тренировался в верховой езде или стрельбе из лука. В гриднице Александр неизменно сидел подле Ярослава и всегда был собран и внимателен. А, может, оттого о княжиче Александре шла всюду молва, что уж больно он был похож на батюшку своего — и внешностью богатырской, и, главное, крутым нравом да тяжелой рукой? Или же были причиной известности Александра ходившие по городу басни о том, что княжич одной калёной стрелой убил поганого беса в анчуткиной чащобе, чрез которую он с отрядом пробирался три года назад? А всякому ли дано убить лукавого?

— Гляньте-ка, — шептались девки, скашивая глаза на княжича. — На охоту собрался, наш княжич-то! Собрался волка-лиходея выцепить! Ай, добрый молодец!

— Орлёнок!

— Какой уж орлёнок? Орёл. Уж не ребёнок малый, чай, — возразил кто-то очень серьезно. — Одиннадцать годков! А в рост дался вон как, а плечи какие широкие! Его от старшего княжича не отличить — такой здоровый, рослый!

— А ведь ему и вскорости невесту искать!

— Кому?

— Кому? Старшему, Фёдору, знамо, а ты что подумала? — и толпа заколыхалась от хохота.

Сравнявшись с тем местом, где стояли охотники и князь с охраной своей — девки и парни примолкли и, потупив взоры, тихо и мирно прошли мимо. Александр даже не посмотрел в их сторону, внимая Тохе Бытчовичу, объяснявшему, где и как он нашел следы волка-людоеда:

— Поспрашивал я здешних крестьян — где по ночам вой волчий слышится, так они указали на самую глушь — там земли болотистые, кровососы так и свирепствуют, оттого там люди и не ходят совсем; а для волка такое место самое оно! Походил я там остороженько, поприглядывался — нашел следы. Немного их. Недавно здесь серый, да и один он в этих местах.

— Один? Отбился от стаи, чтоль? — проговорил Александр задумчиво. — Как гон у волков кончается, так они парами расходятся да потомство плодят. К этому месяцу волчата на охоту начинают выходить и вся стая набегу вместе совершает. Отчего этот волк здесь один? Зачем столько убивает, если никого, кроме себя, не кормит?

— Серчает, что самчихи для случки себе не нашел! — пошутил кто-то из мужиков.

Охотники засмеялись в ответ на шутку, а Александр улыбнулся и сказал:

— Пусть Тоха рассказывает дальше.

— Решил я так выследить его логово — взял дохлую козу, да и отнес в лес — туда, где волчара чаще всего ходит. А падаль-то перед этим я мазью-приманкой пометил; готовится эта приманка из жира, желчи да мочи — и волки и собаки за версту её чувят. Бросил я, значит, козу, и ушел — на утро прихожу на то же место, а от козы — рожки да ножки остались. Пожрал её волчара, кое-что с собой уволок в свое логово. И след тем самым оставил — я с псом Дружком по нему уже доходил до места, да высматривал — где супостат этот устроился. Бурелому там навалено!

— По сему выходит, что разделиться нам придётся, — заметил Мусуд, послушав Тоху. — Загнать в окруженье волка надо. Волки на охоте страшны, когда испуганную жертву преследуют, а когда за ними охотиться начинают — так сразу свой норов теряют. Напугать их главное, ошеломить как следует! И они уже не нападать хотят, а шкуру свою спасать — оттого, если видят, что много охотников на них идёт — они и чешут как угорелые прочь от опасности. Такое у них племя! Так вот и возьмем серого за горло: одни пойдут к логову, другие станут чуть поодаль кругом, и будут выжидать. Как только первые вытеснят серого супостата из убежища, вторым тут его и нужно будет прикончить.

— А верно он говорит, — согласился Тоха и другие добровольцы-охотники. — Так и сделаем.

Охотники направились к кедровому бору, темневшему впереди. Лес встретил их сенью пышных зеленых крон и прохладой. Тропинки вились меж деревьев, утопая в высоком и густом папоротнике. Тоха Бытчович, отмеривавший широкие шаги впереди всех, то и дело останавливался, опускался на корточки, и приглядывался к земле, травам, кустарнику. Рядом с ним послушно бежали охотничьи собаки — ошестинившиеся, настороженно принюхивающиеся.

Охотники молча продвигались вглубь кедрового бора.

Мусуд держался рядом с Александром, еще четверо ратников из охраны следовало по двое впереди и позади княжича. Глаза Александра блестели — он предвкушал охоту. Ему еще не приводилось охотиться на волка; обыкновенно Александр без труда подбивал уток на болотах, ряпов, зайцев и лисиц. Бил из лука он сильно и без промаху и был уверен, что сможет убить и более крупного зверя, самое малое — молодую косулю, ну а волк-людоед был настоящим подарком судьбы!

Поглядывая на княжича, Мусуд сдерживал улыбку, думая: «Перед батюшкой хочет выделиться! Всё ему, непоседе, мало славы — хочет, чтобы князь Ярослав из всех своих сыновей примечал его больше, чем прочих!»

Охотники вышли к крошечному пруду, больше похожему на лужу — черная вода скрывала под собою толстый слой ила, а у берегов плавала зловонная тина. Вокруг водоема в жесткой болотной траве прятались большие валуны, поросшие мхом. Солнце, еще не вставшее в зенит, светило откуда-то с краю: его лучи, натываясь на ветки и листья, рассеивались и падали вниз тонкими золотыми прядями, тонушими у земли во влажных тенях. Воздух здесь был тяжелым, плотным и всюду вилась мелкая мошкара.

Тоха подал знак своим спутникам — логово волка-людоеда поблизости. Наездники спешили и привязали лошадей. Дальше следовало передвигаться пешим шагом и быть настороже.

Послышалось громкое и отрывистое карканье. Множество ворон и сорок то сидели на ветвях деревьев, то взлетали и, пролетев немного, вновь садились на ветки. Мусуд тронул Александра за руку и указал пальцем на беспокойных птиц — княжич кивнул в ответ, сообщая, что понимает. Вороны и сороки собрались здесь, учуяв запах падали, которую волк таскал в свое логово.

Сделав шагов пятьсот от пруда, Тоха остановился. Пригнувшись, он оглянулся назад и зашептал:

— Там вон, под буреломом.

Вблизи волчьего логова остро пахло разлагающимся мясом, тучами вились мошкара и крупные мухи, а на ветвях рядами сидели наглые вороны и белобокие сороки. Отряд охотников разделился: Тоха Бытчович и еще три мужика, а также Александр вместе со своими ратниками, остались поодаль, остальные же охотники осторожной поступью стали подкрадываться к логову, держа наготове рогатины, топоры и луки со стрелами. Мусуд знаком велел Александру следовать за ним. Они прокрались чуть в сторону и расположились за замшелым стволом столетнего кедра. Прочие мужики поступили так же, расположившись вокруг волчьего логова кругом. Александр приготовил лук и вложил стрелу; волчьи загонщики были готовы. Охотники подобрались к бурелому: это было старое дерево, поваленное во время непогоды, поверх него нападали сломанные ветки и намело за многие осени опавших листьев и всякого сора. Там-то и устроил себе лежбище волк. Два мужика, крепко ухватив рогатины, сунули их под ветки — туда, где виднелась чёрная нора, и начали вращать ими. Ничего. Логово под поваленным деревом было пусто, волка-хозяина не было.

— Нет его здесь, — прошептал Мусуд, наблюдая за ними. — Собак надо пускать по следу.

Два охотничьих пса, обнюхав землю у волчьего лежбища, без труда взяли след. Охотники, следуя за ними, вышли к заболоченной низине, протянувшейся между старой каменной грядой и лесом. Низина поросла высокой травой, кое-где торчали чахлые деревца, прижившиеся на болотной топи. Собаки остановились у кромки, и, уткнувшись носом в траву, зло заурчали.

— Там он, эта косматая зверюга! — негромко сказал Тоха. — По болоту бродит!

Охотники разошлись: бегом они огибали болото, желая обложить его кругом — чтобы волк не смог уйти от них по лесу или через каменную гряду. Тоха Бытчович выжидал, удерживая псов, и только когда услышал громких свист с противоположной стороны болота, скомандовал:

— Взять! Взять!

Собаки нырнули в заросли болотной травы. Александр с усилием вглядывался — но не мог увидеть ни собак ни волка. Снова послышался залихватский свист со стороны гряды, а следом раздался остервенелый собачий лай — охотничьи псы нашли волка.

— Началось! Сейчас погонят! — Мусуд заставил Александра отойти от болота и укрыться за деревом. Со всех сторон охотники начали оглушительно свистеть, подбадривая собак. Трава на болоте заходила ходуном, приминая под тяжестью звериных тел — псы и волк схватились друг с другом не на жизнь, а на смерть.

— Сюда гонят! — крикнул Тоха, отступая к деревьям, и сжимая покрепче древко топора. — Ну, держись!

С шумом и хлопаньем к лесу выскочил крупный волк, широкогрудый и лобастый. Проваливаясь в топь и испуганно кашляя, он пытался уйти от преследовавших его собак-

загонщиков. Однако охотничьи псы тут же настигли его — они кинулись на него, стараясь разорвать волку шею, хватали зубами за лапы, цеплялись за уши. Волк закрутился вокруг себя, пытаясь скинуть собак.

— Вот он, матерый! — закричали мужики.

Волк и собаки с визгом и рычанием метались из стороны в сторону, катались по земле, вырывая густые клочки шерсти друг у друга. Загонщики, держа наготове кто рогатины кто луки со стрелами — выжидали удобного момента для того, чтобы нанести удар.

Вдруг волку удалось стряхнуть собак и он, поджав хвост, бросился наутёк. Притаившиеся в засаде охотники увидели передвигающегося большими скачками зверя. В него полетели стрелы. Волк рванулся в одну сторону — несколько стрел царапнули его спину и бока, тогда он прыгнул в другую — а там в него уже целился Александр. Княжич спустил тетиву, — стрела устремилась в зверя и вошла в грудь, там, где начиналась шея. Волк жалобно взвыл, лапы его подкосились. Он завалился было вперед, но тут же вскочил снова и, подгоняемый бешенством, одним скачком преодолел расстояние, отделявшее его от дерева, за которым скрывались Александр с Мусудом.

— Берегись! — истоженно крикнул кто-то.

Мусуд схватил Александра за ворот и одним рывком отбросил княжича в сторону, а в следующий миг волк налетел на татарина, ударив лапами в грудь. Мусуд упал, но не дал волку впиться зубами в свое горло — его кинжал пропорол звериную грудину и добрался до сердца. Мусуд спихнул с себя обмякшую волчью тушу и она упала на землю; одно время слышалось жалобное поскуливание и бульканье крови в пасти волка, затем всё стихло.

— Вот действительно — супостат! — перевёл дыхание Мусуд, отёр со лба пот и поднялся на ноги.

Александр приблизился к мертвому волку. Он был огромен — такая зверюга могла без труда задрать быка, не говоря уже о человеке. Крепкие лапы раскиданы на траве в беспорядке, а на загривке шерсть всё еще была вздыблена. Присев рядом с волком, княжич внимательно осмотрел место, куда попала его стрела. Лицо княжича потемнело.

— Такого зверя завалить не так-то просто! — сказал Мусуд, тоже склонившись над трупом.

Александр выпрямился и оглядел охотников, сбежавшихся к ним.

— Мусуд убил волка! Теперь это его трофей.

— Да к чему он мне? — отмахнулся татарин, еще не замечая досады во взгляде Александра.

— Снимешь шкуру с него и будешь похваляться, — ответил княжич, на его щеке задергался мускул. Он кивнул Тохе Бытчовичу: — Лапы волку свяжите да на шест повесьте. Так и понесете. Нужно, чтобы город видел его.

— А куда нести? — спросил Тоха.

— К нему во двор, — Александр указал на Мусуда. — Мусуд, ты сегодня свободен, ступай домой.

Княжич, дав знак своим охранникам следовать за ним, быстро зашагал прочь, туда, где у пруда были привязаны лошади. Мусуд растерянно посмотрел им вслед, еще сжимая в руках кинжал.

Только потом он понял, что же произошло. Александр не смог убить волка — тот, возможно, и умер бы от этой раны, но не так быстро, как от раны, нанесенной Мусудом. Александр, сразивший поганую тварь в чащобе одной стрелой, здесь не сумел повторить

того подвига. А ведь тогда он и не целился, стрелял почти вслепую — в зимнюю ночь и дикий холод, а тут — и теплынь, и прицелился он старательно... Это было обиднее всего для самолюбия Александра. Княжич хотел быть первым во всём. Быть победителем.

Вздыхая и почесывая затылок, татарин поплелся рядом с мужиками, которые несли на плечах шест с волчьим трупом. Трофей этот был Мусуду не в радость.

Когда волка, подвязанного к шесту проносили по городским улицам, люди сбегались, чтоб поглядеть на убитого супостата. Ребяшня толклась вокруг охотников, норовя притронуться к убитому зверю, мерно покачивавшегося из стороны в сторону.

— Убили-таки негодяя! Поделом ему! — одобрительно говорили горожане.

— Это татарин Мусуд его уложил? Ай, молодец!

— Теперь можно не страшась от детинца отойти!

— Мусуд! Никак князь тебя наградит, а?

Так они пришли к избе, окруженной высоким забором. Мусуд выпрыгнул из седла, распахнул ворота и, загнав злого сторожевого пса в сарай, пропустил охотников. Мужики внесли волка во двор, где осторожно опустили на деревянный настил.

— Тяжёл, гад окаянный! — заметил Тоха Бытчович, потирая плечо.

— Сейчас я вас уважу за услугу, — ответил Мусуд с улыбкой. — Баба кваску вынесет али медовухи, да брашно какого — чтоб насытились вы. Ворота только запру.

Из избы на крыльцо вышла жена его — Миланья, смуглолицая горянка, руки её и передник были испачканы в муке. Увидев мертвого волка, она опешила.

— Жена! Угости-ка немедленно наших гостей! — крикнул ей Мусуд.

Миланья засуетилась: накрыла в избе стол, — поставила горшок с горячей мясной кашей, румяные пироги, только вынутые из раскалённого печного чрева, налила и кваса и медовухи. Охотники сели за стол, стали уплетать за обе щеки, да нахваливать Миланью за хозяйственность:

— Ох, повезло тебе, Мусуд! Ладная у тебя баба! У моей старухи что ни каша — так пошло для скотины, что ни пироги — так угли! Сорочку постирает — одни дыры остаются! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!...

Постепенно охотники насытились, выпили как следует, и, преисполнившись любовью к щедрому хозяину, стали расспрашивать о службе его у князя Ярослава Всеволодовича. Татарин вначале отвечал неохотно, но вскоре разговорился:

— Конечно, князь Ярослав суров и строг — но как иначе? Ведь понапрасну не сердает — и ежели кого оценит — того и наградит. Тот, кто ему противится и мыслит злое — тот и получит по заслугам, а кто верен ему и благонадёжен — тот и милостью его будет осыпан!

— С простым людом-то он больно крут! — заметил Тоха Бытчович, с хрустом жуя зелёный лучёк.

— А как же? На то и князь, — просто отвечивал Мусуд.

— Говорят, войной он собирается на Михаила Черниговского? Правда ли то?

— Кто его знает! Может — будет, может убудет! Известно мне доподлинно, что князь наш Ярослав сердит на Михаила Черниговского за вольный Новугород. А как тут быть иному? Князь Черниговский поддержал новугородцев в смуте против клана Ярославова.

— Князь наш оскорблений не забывает! — глубокомысленно произнес один из захмелевших охотников. — Думается мне, что не простит он ни Михаила, ни сам Новугород. Еще поставит он свою ногу им всем на горло-то!

— Так-то оно так... — вздохнули мужики согласно.

— Авось нет, — пожал плечами Мусуд. — Ведь примирился же Ярослав с братом Константином, хоть и ходили они войной друг на друга и кровь проливали! Удалось братьям забыть вражду, а ведь князь Черниговский тоже дальняя родня Ярославу!...

Мужики примолкли, размышляя каждый о своём. Мысль о возможной войне с черниговским и новгородским княжествами будоражила Переяславль — но никто не знал, что предпримет князь Ярослав. С каким решением он вернётся из Суздаля?

Когда гости ушли, на дворе уже стоял тёплый безветренный вечер.

Мусуд долго стоял у крыльца, поглядывая на небо и вздыхая. Поколебавшись немного, он все же сходил в сарай за ножами для разделки туш — нужно было заняться убитым волком, иначе завтра на жаре мертвый зверь засмердит. Когда он вернулся, то увидел, что на крыльце, прислонившись спиной к столбу, стоит Миланья и пристально разглядывает волка при свете меркнувшего дня.

— Смотри — укусит, — ласково улыбнулся Мусуд. — Видишь, какая у него пасть большая?

Цепной пёс, выпущенный хозяином из сарая, почуяв волчий дух, встал посреди двора и утробно зарычал. Он то делал несколько шагов к мертвому волку, то снова отступал и весь трясся от страха и злобы.

— Бедный Волчёк, — проговорила Миланья с легкой печалью. — Бедный-бедный Волчёк...

— Какой он тебе бедный! Скольких людей загрыз.

— Он загрыз, потому что боялся. Он был совсем один... Зима была долгой и голодной. Холодные дни, бесконечные ночи... Он хотел есть, и думал только о еде. Думал, думал... А когда зима ушла, то он начал есть и есть, и не мог остановиться. Ему всегда было мало. Он боялся, что еда снова кончится, и снова придёт голод.

Мусуд, не в первый раз слышавший такие речи от жены, только покачал головой и, накинув передних из грубого полотна, пропахший конским потом, занялся волчьей тушей. До темноты шкуру нужно содрать и обезжирить.

Знал Мусуд, что Миланья не признает веры православной, что лечит травами и волшебными заговорами и видит то, что от обычного человеческого взгляда сокрыто. Знал и то, что зовут её злые бабки-сплетницы ведьмой. Ну и пусть зовут — ему-то, татарину, что с того?

Как увидел он её позапрошлой зимой — так и полюбил! Миланья тогда вдовицей ходила — мужа её, дружинника Микулу Славича, ушкуйники на реке Волаге, убили — поэтому Мусуд греха не сделал, когда стал за ней ухлестывать. Ухлестывал, ухлестывал, а потом побежал к князю за благословением на женитьбу! Князь Ярослав усмехнулся понимающе, благословение дал и прибавил к нему добрый дом в Переяславле. Так вот они с Миланьей и стали жить-поживать, добра наживать.

Закончил Мусуд поздно.

Сполоснув как следует в чане с водой руки, отерев их о тряпицу, он зашел в избу, где у лучины за вышиванием его ждала Миланья. Рядом на лавке лежала кошка и сытно урчала во сне. В избе было чисто прибрано, нехитрая утварь расставлена по местам. Жена отложила рукоделье и встала навстречу Мусуду, он обнял её за стан, привлекая к себе так крепко как только мог.

— Сегодня ты у меня герой? — прошептала она.

Миланья прикоснулась к его лицу и губы её дрогнули в улыбке. В глазах жены читалась

любовь; любовь не жгучая, не мучающая, не толкающая на безумие, но спокойная и нежная. Такая любовь живёт в сердце человека годами и десятилетиями и умирает вместе с ним; такая любовь никогда не потребует от человека смерти в случае, если возлюбленный покинул этот мир раньше.

Мусуд поцеловал жену, руки его поползли вниз, ухватили подол сарафана и потянули вверх. Миланья, тихо засмеявшись, легко шлёпнула его по рукам, а затем обхватила за шею и прошептала:

— Постой! Скажи сначала, правда ли, что князь войну хочет развязать против княжеств Черниговского и Новгородского, а?

— Всё-то твои уши слышат! — муж стал осыпать поцелуями её лицо. — Даже если так, то что? Князь воюет без устали.

— А то, что в этот раз сыновей он возьмёт с собою!

— Ну и что?

Мусуд не стал ничего дальше спрашивать, принялся он её ласкать, прижимать к себе и повел к супружеской постели. И только когда она обнаженная лежала рядом с ним, Миланья заговорила снова:

— Если князь Ярослав объявит войну Чернигову, то покинешь ты меня. Останусь я Переяславле одна, а ведь доселе ты от меня еще надолго не отлучался!

— Зачем ропщешь? — вздохнул Мусуд. — Ты знаешь, что я...

— Знаю. Александр. Пока он здесь — и ты здесь. А вот отправится княжич с отцом на войну — и ты на войну. Такая у тебя забота.

— Да.

Миланья приподнялась на ложе и в темноте принялась вглядываться в его лицо.

— Это хорошо, — шепнула она.

— Чего это еще — хорошо?

— Что полюбил ты его, как кровного сына — хорошо. Ты думаешь, не вижу я ничего? Ты жизнь свою жил, только воевал, смерть да разлуку видел, сердце у тебя зачерствело — говорить с тобой перестало, стал ты как перекасти-поле трава! А оказался при княжиче — вспомнил ты, что нет у тебя ни кола, ни двора и сына, чтоб радоваться на старости, тоже нет. И пожалел ты, что Александр не твой сын, пожалел о том, что семью не завел в положенный срок — о многом пожалел. Скажешь не так? Скажешь, что не просил князя Ярослава оставить тебя при Александре?

— Не скажу, — Мусуд покачал головой, не удивляясь её словам. — Да, мог быть и гридином при Ярославе — выгодно это и почетно, да только я сам упросил князя не отрывать меня от Олексы. Подумалось: зачем мне выгода? Всю жизнь за ней гонялся — хватит! А Олексе наставник хороший нужен — чтоб вырос он богатырем и ловким воеводой. Так я решил.

Миланья прижалась к его устам своими горячими губами, затем, смеясь, сказала:

— И хорошо, что решил. Но если ты уедешь, что ж мне делать? Тосковать да на лавке сидеть, а?

— Бабы обычно так делают. Да не трясись ты по-пустому! Кто знает, как всё будет? Может никуда княжич и не поедет! — Мусуд широко зевнул.

— А если поедет — возьмешь и меня с собой? — не отставала жена. — Возьмешь?

— Если князь дозволит... — ответил Мусуд уже сквозь сон.

Утром следующего дня в Переяславль-Залесский прискакал гонец от князя Ярослава

Всеволодовича. Князь возвращался в свою вотчину и отослал слугу сообщить о своем прибытии заранее. Гонец сообщил так же, в ответ на жадные расспросы, что судьба Михаила Черниговского решена, как и судьба Новгорода.

Князь Михаил вымолил у Ярослава прощение и добился клятвы, что князь Переяславский не пойдёт войной на Черниговское княжество. В знак своего смирения и благоволения Михаил отказался от всех своих притязаний на Новгород. А это означало возвращение власти Ярославовой над вольным и непокорным княжеством.

— Князь Ярослав сзывает дружину! — объявил гонец. — Идёт ставить новгородцев на колени пред собою!

5. ПЛАНЫ ЯРОСЛАВА

Бояре, рассеявшиеся на широких лавках вдоль стен, ожидали в гриднице прихода князя. Они переговаривались между собой, обсуждая последние события, связанные с возвращением в Переяславль Ярослава. Тут было о чём поговорить!

Для того этим летом в Суздаль съехались многие знатные князья и их дети, чтобы восстановить мир на земле русской. Всем понимали: усобица меж князьями, которые приходились друг другу в больших и малых долях родными, была ужаснее для родины, чем набеги чужеземцев. Братья становились врагами и ходили друг на друга войною, сыновья восставали против отцов, племянники желали смерти дядьям, а удельные князья предавали своих господ и старались захватить престольные города, сжигая деревни и грабя простой люд. Что ни год был — так распря, так перевет и кровопролитие.

Ну а Ярослав Всеволодович всегда был князем честолюбивым и не сиделось ему в Переяславле-Залесском. Хотелось ему управлять всею Владимиро-Суздальской землей, а не уделом в этом великом княжестве. Желание это толкало Ярослава на ссоры с родными братьями, которым по воле отца — Всеволода Большое Гнездо, достались более знатные престолы да более богатые города. Поднимался уже Ярослав против родичей своих — брата Константина и тестя Мстислава Удалого, споря с ними из-за земель да только не сумел одолеть мудрого воеводу Мстислава. Тот побил дружину горячего и властолюбивого князя переяславского и показал Ярославу кукиш.

После этого Ярослав притих, оставил на время мысли о распрях с родичами и занялся внешними делами: утвердился на княжение в Новгороде, ходил войной на Литву и Ригу, покорял языческие земли, присоединяя их к своим владениям и копил богатства. Новгород, где Ярослава не любили, но в нём нуждались, князь привык считать своей собственностью — несмотря на то, что город этот издревле был свободным, сам призывал князя и, если был им недоволен, «показывал дорогу». Новгородцы долго терпели тиранство Ярослава, вмешивающегося и в городские и в торговые дела, не чтившего святынь — потому как не было другого такого же сильного и ловкого князя, имени которого боялись бы и латиняне и подвластные Новгороду язычники. Однако терпению бояр, имевших большие торговые дела с латинянами, пришел конец — Ярослава было решено свергнуть с новгородского княжения, пока он воюет под Ригой, а сыновей его похитить и удержать в плену, чтобы вспыльчивый и жестокий Ярослав смирился с положением дел и не отомстил ужасно. Но птенцам Ярославовым удалось избежать пленения, и они оказались под крылом у отца в Переяславле, а Новгород...

Новгород уже третий год сотрясали бедствия. Свергнув Ярослава с княжения, призвали новгородцы на княжение Михаила, князя Черниговского, обещавшего голодающему княжеству военную защиту и послабления. Михаил приехал в Новгород, принял княжение,

выписал грамоту, освобождающую чернь от податей на пять лет и на какое-то время люди действительно почувствовали облегчение. Но голод не уходил — три года подряд то дожди, то заморозки уничтожали посевы и озимые. Ко всему прочему, Михаил не смог держать вольный град в страхе; новгородцы, терзаемые лишениями и не чуя узды, стали без конца смутьянствовать, грабить дома богатых жителей и убивать тех, кто приходился им не по нраву.

Смутьяны те проклинали Ярослава — тот, держа Волок Ламский, стоявший на жизненно важном торговом пути, перекрыл подвоз жита в Новгород, тем самым усугубляя голод и увеличивая мор. Это была месть Ярослава за оскорбление, нанесенное ему и его сыновьям. Он не обрушил свою дружину на Новгород, не раздавил врагов в поле, а приговорил их к более мучительной каре — медленной смерти от голода и болезней. Люди, приезжавшие с новгородских земель, рассказывали разные ужасы: будто от голода умерло уже много тысяч несчастных людей и трупы их лежат прямо на городских улицах, будто матери бросают своих детей-младенцев на дорогах, не зная чем их прокормить или продают их в рабство, будто новгородцы принуждают Михаила Черниговского идти войной на Ярослава и наказать его за все беды, что тот причинил им.

Ярослав, прознав, что новгородцы действительно замышляют военный поход против него, ответил немедленно: дружина была созвана и готова выступить против Михаила и Новгорода. С кланом черниговского князя у злопамятного Ярослава были свои — давние счёты; давным-давно отец Михаила, князь Всеволод Чермный, ходил на Ярослава войною, желая отнять у него, тогда еще совсем мальчишки, Переяславль. Но Михаил Черниговский, получив от Ярослава вызов, не решился ввязаться в войну с сим буйным князем и сбежал из Новгорода, отправившись во Владимир к Великому князю Юрию, брату Ярослава. Михаил обратился к Юрию с мольбой помирить его с Ярославом, чтоб тот не пошел кровопролитною войною на Черниговское княжество.

Однако Великий князь Юрий на тот момент сам был в ссоре с гордым и неуживчивым братом и не мог помочь Михаилу в его просьбе. Братскую ссору затеял сам Ярослав, и, несмотря на многочисленные попытки Юрия примириться, не желал слышать о нём. Но горестные вести, приходящие с новгородских земель, заставили Великого князя крепко призадуматься: уж не перегибает ли в самом деле Ярослав палку? Месть дело благородное, но истязания народа, не брезговавшего уже из-за страшного голода есть человечину, совсем другое. Юрий начал сзывать в Суздаль своих друзей-князей и родичей — братьев, сыновей, племянников, чтобы те помогли ему примириться с Ярославом; позвал Великий князь и духовенство православное — уважаемых во всех княжеских уделах митрополитов Кирилла и Порфирия, а также епископа Черниговского, дабы те смогли смиренным Божьим словом увещевать мстительного Ярослава.

Ярослав, получив через послов приглашение, вначале наотрез отказался приехать на княжеский съезд. Но Юрий не сдавался — он и его братья старались всеми силами показать Ярославу, что пекутся только о его благе и, конечно же, признают его военную доблесть и умение быть мудрым правителем. В грамоте, отправленной с очередным посольством, Ярославу напоминали о том, что зовут его на встречу не чужаки какие-то, а родные братья. Князю переяславскому пришлось выехать в Суздаль — чтобы не оскорбить родных.

Со слов тех, кто был с князем, стало известно, что Юрию удалось помириться с Ярославом в Суздале. Братья, вняв уговорам и укорам родственников, простили друг другу обиды и объятиями скрепили мир. Ярослав с сердечностью назвал Юрия Великим князем.

отцом своим и государём Руси. Следом, пользуясь добрым расположением брата, Юрий и прочие князья стали убеждать его смягчиться в отношении Новугорода и Михаила Черниговского. Ярослав начал на это возражать и отказываться, но устоять против уговоров братских не смог и пошел на уступки. Выслушав оправдания Михаила, он согласился на то чтобы князь Черниговский ушел обратно на свои земли, а Новугород предоставил ему, Ярославу. Переяславский князь сам разберется с этим беспокойным городом, и никто из князей пусть в то дело не вмешивается. Вот при таком раскладе Ярослав, так и быть, простит Михаила и исправит положение с Волоком Ламским... На том и порешили.

И князья с миром разъехались из Суздаля.

— И правильно — что таким братьям в ссоре ходить! — бормотали бояре. — Чай, не дети малые! А если уж князь пресветлый сказал, что дело поправит, то уж боятся нечего, его слово — кремень!

Когда в гридницу вошел князь Ярослав, то бояре поспешно встали со скамей и принялись земно кланяться. Ярослав кивнул им благосклонно и, осанисто расположившись на княжьем стольце, обратился к гриднику Торопке Меньшому:

— Приехал я, а сыновей только мельком и видал. Беги и приведи их сюда, пусть послушают, что я надумал.

— Только Федора и Александра привести, князь?

— Нет, Андрея тоже.

Гридник поспешил выполнить его приказ. Ярослав ни слова не сказал боярам, пока в гридницу не вошли три его сына. Бояре понимали — князь выучивает сыновей управляться с нелегким княжеским ремеслом. Когда сыновья предстали перед Ярославом, то он на некоторое время задержал их пред собою, пытливно оглядывая каждого из них. И старшего Фёдора, крупного мальчика с унылым и безразличным ко всему взглядом. И высокого не по годам Александра, чье красивое лицо до боли напоминало Ярославу одновременно и лик отца — Всеволода и лик той — страстно любимой и потерянной... И Андрея — пугливого кочетка, еще не отвыкшего от мамкиной груди и заискивающе льстящегося ко всем. Князь Ярослав повелительно обратился к ним:

— Ну, кто чем хочет похвалиться передо мною, а?

Сыновья недоумённо молчали; тогда Ярослав начал спрашивать каждого из них в отдельности:

— Ну, Фёдор? Что скажешь?

— Грамоту греческую подучил, батюшка, — ответил Федор, ежась под строгим и непонятым отцовским взглядом. — Песни могу сейчас петь по-ихнему.

— Ну, песни петь можно и по-нашему, — хмыкнул Ярослав и впери́л очи в Александра. — А что скажешь ты, Олекса?

Александр упрямо молчал в ответ, не робея и не отводя глаз в сторону.

— Чего молчишь? — осведомился князь, прищурившись на сына.

— Нечем мне хвалиться, — обронил Александр и снова превратился в молчаливого истукана.

— Он на волка-людоеда охотой ходил! — не выдержал Андрей, которому почудилось, что брат нарочно сердит их сурового отца. — Убили они этого волка да на шесте в город внесли!

— Да? На волка-людоеда, говоришь? — густые брови Ярослава поползли вверх. — Ты, Олекса, то нечисть всякую бьешь как каких-то ряпов, то на волков самовольно охотой

ходишь... Неужто сам убил?

Александр побледнел, чувствуя в словах отца насмешку.

— Нет, не сам, — ответил он явно через силу. — Мусуд убил.

Княжич не знал, что Ярославу стало известно о его самовольстве еще до того, как Андрей выдал брата. О том, что Александр ходил на волка-людоеда, князю доложил один из милостников, которому Ярослав приказал тайно приглядывать за княжичем. И всё это от того, что отец мог быть спокоен за ленивого Фёдора и за младенца-Андрея, но не за Александра. Знал Ярослав нрав своего второго сына так же хорошо как и свой собственный: оттого и переживал за него. Оттого и держал рядом с Александром усиленную охрану. И допрос этот Ярослав устроил единственно за тем, чтобы подразнить своевольного сына:

— Мусуд? — князь одобрительно покачал головой. — А он молодец! Награжу его за такую удаль... А ты, Андрей, что? Чего делал в мое отсутствие?

— Из лука бить по цели учился, батюшка, — благоговей перед своим отцом, сказал княжич Андрей. — Кормилец мой, Савелий, которого приставил ты ко мне, старается всему меня обучить.

— Ну и хорошо тогда! И ладно об этом. Садитесь на скамью, да слушайте крепко, о чём я сейчас разговор поведу, — подытожил Ярослав. — А дело вот какое. Отказался князь черниговский от новгородского княжения, бросил он Новгород да и откатился в свое княжество. Сейчас, получается, Новгород без князя стоит да в бедах по самые уши. Голод там свирепствует и мор, обеднели граждане, оскудели совсем — стон великий стоит на той земле. Единственно, что спасёт Новгород — это подвоз жита купцами по торговым путям. Вот пусть мудрые бояре переяславские мне присоветуют в торговом деле, потому как я не торгош, а воин.

Бояре поежились. Они-то понимали, что Ярослав лукавит с ними, щелкает обидно по носу. Разве не сам Ярослав накинул эту петлю на шею Новгорода и затянул её как следует? Разве не Ярослав захватил Волок Ламский с той целью, чтоб держать под своей властью пути торговые? Уж кто-кто, а князь в том, что касалось наживы, спуску никому не давал.

Бояре в ответ заговорили очень ласково, стараясь словами угодить Ярославу:

— Только ты, князь, своею милостью сможешь спасти неразумный тот град! В твоей власти пути торговые. Одно слово твое — и пойдут к Новгороду купцы с житом да товарами.

— Просто как получается! — нахмурился Ярослав. — До этого я и сам додумался. Да неувязка есть — вот сколько купцы на рубежах да волоках стояли, не пропускаемые далее по торговым путям? Долго! Обозлились они, недовольны. Так они и полетят в Новгород после всех обид!

— Прибыль помогает любую обиду забыть, — сказал один из советников, Леско Жирославич, один из богатейший бояр Переяславля. — Поборы на рубежах да волоках снизить нужно, чтоб купцы могли без прежних выплат пройти по путям до Новгорода. Вот тогда купцы-то и полетят куда надо, да так быстро, как тебе того нужно будет, пресветлый князь!

Ярослав, выслушав сие, кивнул с весьма довольным видом:

— А оно вы хорошо придумали, мудрые бояре. Правда ваша!.. Так и сделаем. Купцы к Новгороду пойдут, и я туда с дружиной пойду. Порядок там надо навести, чтоб побоялись новгородцы беззакония и крамолу от нужды творить! Донесли мне, что там посадник городской — некий боярин Водовик, которого Михаил прищучить не сумел, сговорившись с

тысяцким, бесчинствует в новгородском княжестве, распоряжается дружиной, как холопами обельными, грабит всех подряд, режет, кого захочет. Разве порядок это? Нет! Показать им нужно, кто на их землях истинный хозяин.

— У Михайло Черниговского длань-то хиленькая! — поддакнули бояре. — Куда ему было таким гнездом владеть!

— Владеть — не владеть.... — отозвался ехидно Ярослав, в его серо-зеленых глазах отразилось торжество. — Михаил ведь, хитрая лиса, в близкие родичи мне набивается, дочь свою предлагает для Федора. Ну что, Федор, возьмёшь черниговскую княжну?

Федор растерялся и не сразу сообразил, что ответить. Впрочем, отец и не спрашивал его, а говорил уже о решенном деле: да, действительно, в Суздале Ярослав, согласившись с наставлениями Юрия, пообещал Михаилу Черниговскому поженить дочь его Улию и сына своего Федора и тем самым укрепить шаткий мир в княжествах. Все собравшиеся в Суздале князья нашли это правильным. Испокон веков княжеские брачные союзы совершались по родительскому расчету и договору, ставя во главу всего выгодные связи и преумножение богатств. И сам Ярослав не был из того правила исключением — его брак с Ростиславой, дочерью галицкого князя Мстислава Удалого, был заключен с целью соединить знатный клан Мономахов с кланом славного Всеволода Большое Гнездо.

— Ты, Фёдор, уже взрослый! — продолжил князь Ярослав. — В былые времена князья в твоих годках уже при жёнах были, семью держали. Так что пора и тебе в жизнь вступать. В будущем году, или около того, оженю тебя с Улией Михайловной. Что не отвечаешь, али от счастья язык проглотил?

Пришлось Федору соскочить с лавки и немедленно отвесить поклон отцу.

— Как скажешь, батюшка, так и будет! — сказал старший сын. — Твое слово для меня закон.

— А то как же, — кивнул князь строго. — Ну а пока до свадебного пира еще не дошло, я тебя да братьев твоих возьму с собой в Новгород. Увидите вы, как я гордыню их пополам согну и землю передо мной целовать заставлю.

Ярослав внимательно поглядел на то, как сыновья с благодарностью ему кланяются, а затем отпустил их. Братья чинно покинули гридницу, не глядя друг на друга. Оказавшись снаружи, Александр оставил Фёдора и Андрея и побежал разыскивать Мусуда.

— Приключилось что? — удивился Мусуд, завидев взволнованного княжича; он дожидался Александра у крыльца княжьего терема.

— Мусуд, отец на Новгород с дружиной выходит и берет нас с братьями! — сообщил княжич татарину. Глаза Александра сверкали огнём, некоторая угрюмость, преследовавшая мальчика после неудачной охоты на волка, исчезла. Он был счастлив.

Проводы князя и его дружины были многолюдными.

Взволнованная чернь толпилась на улицах и возле крепостных стен, православные церкви звенели колоколами, благословляя Ярослава на удачный поход. Несмотря на торжественность, бабы плакали, отпуская с князем Ярославом отцов, мужей и сыновей, старики и старухи, шуря подслеповатые глаза, вздыхали тяжело.

Княгиня Ростислава не скрывала слёз, провожая своего младшенького сына — Андрея — ему за свои семь годков впервые приходилось покидать Переяславль. И отправлялся он не на гуляния какие-то, а в мятежные новгородские земли, куда Ярослав шел наводить свои порядки.

Ох, как переживала Ростислава! Но могла ли она изменить что-то? Не имела она прав

на своих сыновей — негоже женщине, пусть даже княжеского рода, руководить сыновьями. То дело отца и кормильцев, к ним приставленных. Таков обычай. Ярослав желал вырастить из сыновей воинов ловких и бесстрашных, а не лодырей теремных или монахов смиренных. Кто ж не знал, что отец без сильных сыновей, всё равно что крепость без защитников? Пусть укреплена она и богата, но если нет у неё достойных воинов, то всякий захватит её, ограбит и разрушит. А князь Ярослав, хоть и властен и силён сейчас, однажды состарится и станет немощен, кто же тогда защитит его и его владения от посягательств врагов? Кто сбережет то, что было накоплено, и приумножит отцовское достояние? Кто будет рядом до самого последнего его вдоха, согревая отцовское сердце добрыми словами, и закроет ему, мёртвому, глаза?...

— Не тужи, княгинюшка! — уговаривала Ростиславу сердобольная Дуняша. — Разве кто-нибудь даст Андрюшу в обиду? Князь охрану приставил к нему, заботиться о нём станут как и дома! Сыт-согрет будет!

— Дуняша, Дуняша!... — шептала на это Ростислава, глядя куда-то застывшим и невидящим взором. — Кто знает, как судьбы человеческие на земле этой грешной решаются? Кто даст ответ?... Только бог знает, кто жить будет, а кто в сыру землю ляжет. А что ты, что я, созданы несчастные? Разве можем мы сказать, что будет всё так, как нам хочется?...

— Ты молись как следует, княгинюшка. Бог не мошка, видит немножко! Не откажет он тебе, православной, выслушает, тугу с сердца уберет да обнадёжит. Ты молись!

— Ах, Дуняша, Дуняша!...

Дружина князя Ярослава Всеволодовича покинула Переяславль-Залесский. В голове рати, окруженный хозяйской дружиной, ехал князь и три его сына. Позади следовала старшая дружина — из наиболее опытных и хорошо снаряженных ратников, в самом конце — младшая дружина, куда были набраны молодые воины, еще не доказавшие в полной мере своего ратного мастерства.

Дорога вела их к реке Волаге, славившейся и торговлей бойкой и грабежом отъявленным. Ходили по ней и купцы на торговых шняках и свободолюбивые разбойники на сосновых ушкуях, не верившие ни в сон, ни в чох. Ну а там, за великими водами Волаги, начинались просторы новгородских земель.

* * *

— А Водовик, должно быть, где-то неподалеку, — размышлял вслух князь Ярослав, сидя в тереме посадника Торжка.

— Далекое он уйти не мог! Хоронится где-то в здешних лесах, ведь без княжича Ростислава идти ему некуда... — ответил городской посадник Григорий Рубака, сидевший перед князем в просторной горнице. Посадник был стар, но богатырской выправки, которой был славен на полях брани, с возрастом не растерял. С достоинством он прибавил: — Но княжич не виноват в беззакониях, что творил этот новгородский боярин. Пресветлый князь, разве не отправишь ты его в Чернигов к отцу?

Ярослав бросил на него один из своих непроницаемых и пытливых взглядов.

— Почему не отправлю? Чай, не враг мне Михаил Черниговский уже! Отправлю.

«Ах, лукавит, дьявол!» — подумал Рубака с горечью.

Княжич Ростислав, восьмилетний сын Михаила Черниговского, сейчас целиком находился во власти переяславского князя. Михаил, сбежав во Владимир, оставил наместником в Новгороде сына своего Ростислава, от имени которого везде распоряжался кровожадный посадник Водовик. Когда новгородцы узнали, что князь Черниговский

запросил мира с Ярославом, то пришли в ярость и отчаяние: они лишились последнего заступника перед гневом Ярослава. Боярин Водовик, зная точно, что по приходу Ярослава и его дружины он окажется среди первых же повешенных, не стал дожидаться казни и, прихватив с собой Ростислава, сбежал из Новгорода в Торжок. Под предлогом охраны княжича Водовик увел с собою сотню лучших ратников из городского ополчения.

В Торжке бывший новгородский посадник думал затаиться на время, а затем отправиться в Чернигов, к Михаилу. Не думал он, что Ярослав так быстро прибудет со своей дружиной! Узнав, что переяславская рать на подходах к Торжку, Водовик струхнул, заскочил на коня, кликнул дружинников и помчался прочь. Так торопился этот боярин, что впопыхах забыл главное — княжича Ростислава, без которого Водовик никак не сможет появиться перед Михаилом Черниговским! Последнее особенно веселило Ярослава.

— Приведите сюда княжича Ростислава! — велел князь.

Ростислав Михайлович оказался тщедушным мальчиком, чей болезненный вид делал его похожим на изнеможенных иконописных святых. Из-за слабого здоровья только недавно над ним провели обряд Пострига, во время которого мальчика благословляют быть мужчиной и воином. В то время, когда сыновья Ярослава в его возрасте уже умели и меч держать и дробить противнику нос в рукопашной, он только начинал познавать эту науку.

— Соскучился поди по отцу, а? — обманчиво ласково обратился к Ростиславу князь.

— Да, пресветлый князь! — подтвердил княжич, растроганный участием Ярослава. Ростиславу говорили, что переяславский князь больно уж суров, а сейчас вдруг оказалось, что это не так. — Очень соскучился. Жду — не дождусь, когда смогу батюшку увидеть.

— Вот и славно! Сыновья такими и должны быть! — Ярослав погладил бороду и неторопливо изрёк следующее: — Вот выловим этого Водовика, так сразу велю тебя отправить в Чернигов.

Ростислав изумлённо захлопал ресницами.

— Пресветлый князь...

— А как иначе? — всё так же ласково сказал Ярослав. — Он ведь беззакониями грешил. Грабил, дома богатые зажигал, убивал тех, кто служил мне верой и правдой. Столько бед на земле новгородской сотворил! Не духовник я, чтоб грехи отпускать! Дело святого человека — молиться, а дело князя — наказывать, чтоб другим неповадно было бесчинствовать. А если всякую обиду и хулу спускать, то будут ли такого князя бояться да волю его исполнять? Как нельзя избу построить на болотной жиже, так и княжий столец нельзя поставить на головы смутьянов и крамольников. Для таких как боярин Водовик у меня один приговор... Вижу, недоволен ты, княжич? Ну скажи, что будет, если я отправлю тебя в Чернигов прежде, чем поймаю Водовика?

— Не знаю, пресветлый князь, — выдавил из себя еще более побледневший Ростислав.

— А я скажу, что будет. Водовик, прослышав, что у батюшки ты своего, спокойненько прибудет в черниговское княжество — да и будет обогрет Михаилом. Ведь батюшка твой больно добросердечен, ровно Петр Святой! — глаза князя перестали смотреть ласково. — Жалеет он всякую душу заблудшую, перед Всевышним выслуживается... При таком раскладе уйдёт Водовик от петли! А мне то не нужно. Понятно ли тебе это, княжич Ростислав?

— Понятно, пресветлый князь...

Рубака, молча слушавший этот разговор, чертыхался мысленно что есть силы — он понял, к чему клонит князь Ярослав. И следующие слова Ярослава подтвердили его догадку:

— Но, вижу я, ты прямо рвешься к родному гнезду! Сердце у меня не каменное,

понимаю я твою печаль, княжич... Ну, если хочешь побыстрее отбыть в Чернигов, то, так и быть, я позволю тебе подсобить в поимке этого смутьяна. Он ведь где-то поблизости шарашится. Пустят мои слуги по Торжку слух — будто ты в Чернигов уезжаешь. Дам я тебе три дюжины ратников и поедете вы торговым путём в сторону черниговского княжества, а еще полторы сотни дружинников пойдёт скрытно следом. Водовик, учуяв, что защита у тебя слабая, попытается отбить тебя, княжич Ростислав, у моих людей. Как только свалка начнется — подоспеет дружина и прихватит Водовика за горло!...

— Но... — замямлил испуганный Ростислав, поняв, что сулит ему план князя Ярослава. Ловля на живца?!

— Вот оно и хорошо, что ты согласен! — оборвал мальчика Ярослав повелительным тоном. — Молодец! Храбрым богатырем растешь. Ничего не боишься!... Таким и должен быть настоящий князь, наследник своего отца! А теперь ступай, готовься к подвигам. Завтра с утра и отправитесь.

Преданный гридник Торопка Меньшой увёл Ростислава, потерявшего от ужаса дар речи. Ярослав призвал к себе нескольких милостников и затеял с ними разговор о том, как лучше захлопнуть западню, рассчитанную на боярина Водовика и его сотню отборных дружинников. Сошлись на том, что большому отряду ночью необходимо незаметно покинуть стены Торжка, уйти по торговой дороге и скрыться в лесах. Там переждать ночь, пропустить вперед княжича Ростислава и его сопровождающих, а затем осторожно идти по пятам, не показывая носа на торговой дороге.

— Так и поступим! — подвёл итог довольный Ярослав.

Рубака мог только удрученно качать головой, сидя на лавке. Он ненавидел князя Ярослава, но что с того? Столь многие ненавидели Ярослава, что тех, кто не желал ему скорейшей кончины, можно было пересчитать по пальцам! Князь Ярослав был повинен и в убийствах жестоких, и в клятвоотступничестве, и грабежах да непомерных поборах там, где утверждалась его власть.

Казалось бы, что мешало его братьям — справедливым и более могущественным князьям, усмирить Ярослава, владевшего каким-то Переяславлем — крохотным удельным княжеством, а не Владимиром, Киевом, Ростовом или Суздаlem? Но со смерти Мстислава Удалого, разбившего однажды Ярослава в пух и прах, никто из братьев Всеволодовичей не осмеливался открыто бросить князю переяславскому вызов... Даже Великий князь Юрий предпочитал делать вид, будто не замечает подлостей Ярослава и его дурных деяний.

Конечно, нельзя было винить одного Ярослава в напастях, постигших новгородские земли. Не мог же, в самом деле, Ярослав отвечать за непогоду, которая уничтожала посевы и озимые! Но его владения напасти обошли стороной, у него в княжестве люди не дохли как мухи и не ели себе подобных. А вот новгородское княжество пострадало за всю Русь! Ярослав был виновен в том, что перекрыл торговые пути, со свойственной ему жестокостью показывая свою силу и власть. Никто не шел на эти несчастные земли, не было видно купцов — ни с восхода, ни с заката; только голод и неотвратимый мор. Когда Рубака по приезду князя в Торжок заикнулся об этом, Ярослав тут же осадил его:

— Тебе ли жаловаться, посадник Рубака? Живешь здесь, кормишься дарами рек, никто по твою душу не ходит. Где тебя и ушкуйники кормят. Не ври, знаю я, что ты их добром привечаешь, а разбойники голодными никогда не бывают и тебе с голоду помереть не дадут... А если есть у тебя туга какая, так это не ко мне, а к Господу Богу, понял? Хочешь, чтобы голод и мор прекратились — вот и молись как следует, в колокола трезвонь, авось в

этом году урожай благополучно снимут да и озимые уцелеют!

Как Григорий Рубака ненавидел князя Ярослава! Но был он человеком разумным и понимал, что лучше власть такого князя, чем гибель под пятой у озверевших от голода смердов. Если немедленно не навести порядка в княжестве, то от некогда могучей новгородской вольницы не останется ничего, кроме курганов и жальников. К тому же Ярослав славился своим сребролюбием, а, значит, был заинтересован в процветании подвластных ему земель. Раз пришел он в новгородское княжество, выходит, есть у него планы и расчеты на эти земли. Рубака надеялся, что так оно и есть.

— Батюшка! — зазвенел молодой голос.

В горницу вбежал второй сын Ярослава — княжич Александр. Он был взволнован чем-то, хотя и пытался это скрыть. Княжич отвесил отцу поклон и быстро заговорил:

— Батюшка, слышал я, что отряжаешь ты ратников для облавы на боярина Водовика...

— Сплетни быстрее ветра летят! — недовольно проговорил Ярослав. — Даже если так, то что?

— Разреши мне идти вместе с отрядом.

— Никогда! — тут же рявкнул князь. — Забудь об этом. Шкура тебе твоя не дорога, что ли?

— Не дорога? — Александр даже не моргнул в ответ на крик отца, а наоборот, стал настойчивей: — Княжич Ростислав идёт с отрядом, а ему восемь годков! Значит, ему можно, а мне нельзя? Отец!

— Ты со мной не спорь! Я сказал — забудь, значит забудь.

— Отец! — повторил Александр таким тоном, словно просил того, на что имеет все права.

— Олекса, я не люблю повторяться! — Ярослав тяжело взглянул на сына, но натолкнулся на такой же тяжелый и упрямый взгляд Александра. Князь замолчал, пораженный этими глазами.

«А-а... Вот оно что! — мстительно подумал Рубака, наблюдавший за противостоянием отца и сына. — Нашла коса на камень!.. Ты ведь, пресветлый князь, хотел Ростислава как следует потрепать, нагнать страху, чтоб отомстить Михаилу Черниговскому! Что тебе Ростислав — даже если и умрёт, совесть тебя, князь, мучить не будет. Но сын!... За сына ты испугался, безбожник! Жалко тебе родную кровь! Ну-ну, посмотрим, кто кого уломает, мальчишка-то, я вижу, не промах — отца не боится, не то что остальные...»

— Позволь мне пойти с отрядом! Я хочу этого!... Виданное ли дело, чтобы восьмилетний малец мог отправиться с отрядом и показать себя, а я должен остаться и, как дитя, забавляться играми во дворе? Отпусти меня с отрядом!

— Александр, тебе отцово слово уже не указ? — негромко осведомился князь и в его голосе явственно проступила угроза.

— Я здесь, перед тобой, отец. Разве это не значит, что я чту тебя и слушаюсь твоих указов? — княжич не сдавался.

— Ах, велеречивый ты наглец! — вышел из себя Ярослав. — Эти монахи-книжники науськали тебя словесный дым в глаза пускать! Я тебе слово — ты мне два в ответ...

— Отец!

— Тебе хоть ведомо, куда и как отряд идёт? Нет, не ведомо, а лезешь туда же, — невольно начал разяснять Ярослав, хотя вначале этого делать не намеревался. Он не мог прогнать Александра, когда тот вот так говорит ему — «отец».

— Не ведомо, — согласился Александр. — Но знаю я точно, что решил ты поймать Водовика и воздать ему по чести. Позволь мне сопровождать отряд. Разве не ты говорил, что нужно уметь ломать рога тем, кто идёт бодаться?.. Клянусь, я буду во всем слушаться старшего, буду тише воды и ниже травы, только отпусти!

«Ага, — подумал Рубака с удивлением слушавший говор княжича, — больно легко он клятвы даёт. Весь в отца. Но каков нрав! Князю, поди, трудно с ним приходится...»

Ярослав надолго умолк, сверля сына сердитым взглядом. Княжич стоял пред ним горделиво выпрямившись, и, упрямо насупив брови, ожидал ответа. Подданные князя не осмеливались даже кашлянуть, чтоб не нарушить этой напряженной тишины.

— Хорошо, лады! — наконец заговорил Ярослав. — Пойдешь с отрядом. Но смотри у меня, Олекса! Будешь самовольничать — поставлю рядом со своим стремяем и больше никуда не отпущу.

Лицо Александра осветилось радостью.

— Ну конечно, батюшка, как скажешь! — он поклонился с надлежащим почтением. — Твое слово для меня закон.

«Нет, мои уши и глаза меня не обманывают! — усмехнулся Рубака. — Этот мальчонка тот еще камешек и не одна коса еще об него сломается. Помяните моё слово!...»

Когда Миланья подошла к воротам, ведущим во двор городского посадника, дорогу ей перегородили дружинники, стоявшие на страже.

— Тебе чего?

— Я к Мусуду, кормильцу княжича Александра, — ответила она.

— Пошто?

— Жена я его. Вот, — Миланья указала на узелок в своих руках, — пирогов мужу напекла. Только вам для передачи не отдам, пропустите — сама Мусуда отыщу.

Дружинники хмыкнули.

— Ишь, какая боевая баба! Ишь, командует!

Женщина ответила им рассерженным взглядом. В этот миг мимо врат по двору проходил гридник Торопка Меньшой — он признал Миланью и, широко улыбнувшись, велел пропустить её во двор.

— К мужу? — осведомился Торопка, Миланья утвердительно кивнула. — Мусуд сейчас у князя, так что, если хочешь его дождаться — сядь где-нибудь и стереги, когда он выйдет.

— Ладно, посижу, — Миланья огляделась по сторонам, увидела старую скамью в тени крыльца и примостилась на нем, чинно положив узелок на колени. В этом уголке её никто и не замечал, зато женщина свободно могла видеть и ворота и двор перед крыльцом.

Двор посадника был полон вооруженных людей — княжьих дружинников; кто-то дразнил собак, желая, чтобы они сцепились, кто-то колол дрова, кто-то лязгал сталью, затачивая мечи, кто-то напевал песни, сидя на брошенном на землю седле. У стен были привязаны статные кони — борзые и горячие, бьющие копытами. Справа от ворот дружинники сколотили стол и скамьи, чтоб было где трапезничать — терем Григория Рубаки не вмещал всех гридников, милостников и охранителей, состоящих в хозяйской дружине.

Миланья припомнила, как покидала Переяславль и трепет в своем сердце от того, что оказалась она в дороге, овеваемой душистым вольным ветром. Будто Миланья вновь стала вольной птицей, какой была когда-то. Припомнила она и родной дом в бедном горном селении, и мать свою и суженого, которому готовилась принести супружескую клятву. Но

из-за гор пришли разбойники, разграбили поселение, а жителей увели в полон — так Миланья оказалась в Переяславле, где её выкупил Микула Славич и сделал своею женой. Много воды утекло с тех времен! Но только глупец мог жалеть об ушедшем и терзаться о том, чего нельзя вернуть, потому Миланья и не жалела ни о чем и не терзалась.

Её раздумья прервал возглас Мусуда, вышедшего во двор и заметившего жену. Миланья поднялась ему навстречу, он взял ласково её за руки и спросил:

— Долго поди дожидалась?

— Самую малость, — Миланья заметила в его глазах тревогу и насторожилась, но спрашивать прямо не стала: — Пирогов вот напекла и проведать тебя явилась.

— Спасибо на том, — Мусуд улыбнулся, хотя на душе у него кошки скребли. Даже жене он не мог поведать то, что услышал в горнице от князя Ярослава! А услышал он вот что:

«Я вот для чего тебя позвал, Мусуд! Александр, питомец твой, отправляется этой ночью с отрядом Алдопия на поимку боярина Водовика, — сказал Ярослав ровно, но так глядя на Мусуда, что того холод пробрал аж до костей. — Ты же, Мусуд, глаз с него в этом походе не спустишь, на шаг не отойдешь, будешь беречь его как зеницу ока. Отпускаю сына целым и невредимым и жду, чтоб и воротился он благополучно! Ну а если случится с ним что — жизни тебя лишу как последнюю собаку. Ясно ли это, Мусуд?»

А чего здесь неясного? Мусуд и без ярославовых угроз трясется над непоседливым княжичем, как жид над золотом!

«Эх, Олекса! — думал Мусуд. — То волк-людоед, то мятежный боярин! Не сидится тебе на одном месте, как твоему братцу Федору, всё на подвиги тянет. Мной вертишь как захочется, отца научился уламывать ради своих прихотей!..»

Татарин вздохнул тяжело и вспомнил о жене, что молча стояла рядом.

— Милушка ты моя, ступай обратно на постой, — сказал он Миланье, погладив её по теплой щеке. — Не досуг мне сейчас с тобой долгие речи водить. Потом вдоволь наговоримся. Ступай!

Миланья всё поняла: значит, князь отправляет Мусуда из Торжка с важным приказанием.

— Безхульного пути да спутной брани, — только и сказала она с глубоким поклоном, потом взяла со скамьи узелок и отдала мужу. Не оглядываясь, она вышла за ворота да зашагала вниз по дороге.

Дом, куда Миланью определили на постой с другими бабами, сопровождающими своих мужей, находился близ трехглавой церкви Вознесения Господня. Путь к нему лежал через извилистые городские улочки, то спускавшиеся вниз к реке, на берегах которой лежали лодки и были растянуты на шестах рыбацкие сети, то поднимающиеся вверх, к холмам, где стояли самые богатые терема. Неурожаи и злопамятство князя Ярослава забрали с этих улочек оживленную торговую толкотню, стерли с лиц людей беззаботные улыбки, оставив после себя разорение и нужду.

У дома, куда направлялась Миланья, стояла широкобедрая баба с рябым лицом и потерянно глядела на окна, затянутые бычьими пузырями.

— Скажи, добра, тут ли остановилась на постой знахарка? — обратилась баба к Миланье. — Слышала я, что пришла она с дружиной князя, слышала, что хвори изгонять умеет, в травах смыслит да в волшбе.

— Даже если тут, — ответила Миланья, — тебе-то чего с неё надо?

— За помощью пришла! Услышала я от княжьих воев, что лечить она умеет — вот и

прибѣгла...

— Сказывай дело.

— Ты, значит, знахарка?

— Ну — я, — кивнула Миланья холодно.

— Помоги, добра! Зовут меня Настасья Шевкала, вдовица Шевкалы-купца, — заговорила сдавленно баба. — Нюра-дочка радостью для меня была! Красавица. Всё по хозяйству делала, руки-то золотые... женихи сватались... Пошла на гуляния-то, вернулась больная. А там... там, как будто подменили. Слова человеческие забыла, не понимает ничего — когда еще ходить могла, так оденет на голову лошадиный хомут, выйдет к воротам и стоит, дура, улыбается чему-то... А сейчас вовсе слегла — еле дышит, гниет заживо... Пропадает девка! Звали знахарку, а она только глянула на неё — и сказала, что ничего не поможет... Добра, скажи, поможешь? Отплачу щедро! — и она с надеждой поглядела на Миланью.

Та задумалась ненадолго, оглядывая рябую бабу с ног до головы: заприметила Миланья и червленые сапожки и богатые одежды гостыи. Щедро оплатит? Знает она таких — языкастых да на расплату скорых! Как хворь — они с мольбой к ведающим тайны людям бегут, а как скот чахнет, житница пустеет, золото в руки не идёт — камнями их забивают али к кобыльему хвосту привязывают...

— Пойду, — сказала знахарка наконец, — показывай дорогу.

Идти пришлось недалеко. Настасья Шевкала привела её к большому дому с просторным двором, охраняемым двумя злющими цепными псами. Служки загнали собак за ограду и дали бабам пройти к крыльцу, где их встретила горбатая старуха в черном убрусе. Старуха с неприкрытой ненавистью уставилась на Миланью, и, задыхаясь от ярости, закричала:

— Чтой-то ты, Настасья, невестка моя, бесовницу привела? На что надеешься?.. Никто окромя бога, не может хвори изгонять, а всё прочее от беса! Грязная язычница бога истинного не знает, в грехе тонет, в адское пекло сойти желает, а ты с нею?! Прямо в ад собралась?! — и старуха затрясла кривой клюкой, которую держала в руке.

Миланья даже не взглянула в сторону старухи.

Настасья и знахарка миновали несколько горниц, заставленных коваными сундуками, выдававшими богатое гнездо. Купцам даже в голодное время да княжью опалу недурно жилось, видно было — не бедовали. Рябая купчиха привела Миланью к светелке на верхнем этаже.

— Сюда, — шепнула Настасья.

Это была молодая девица — она дышала медленно и плохо, и была суха, как вялёная рыба. Её длинные волосы сваялись и превратились в завшивое гнездо на голове, кожа покрылась гнилыми ранками и трещинами. В светелке висел тяжелый запах испражнений.

— Помоги, добра! — повторила Настасья. — Пропадает девка!

— Испортили насмерть, — покачала головой Миланья, едва увидев хворую девку.

Настасья прижала руки к груди и запричитала горестно.

— Ей подружка позавидовала. Лолькой ту девку зовут, родная бабка научила её насмерть людей портить, вот она и напустила усушку, — добавила Миланья. — Но ты, купчиха, не вой — не самая страшная это порча, отговорить можно.

— Правду говоришь?

— Правду. Только прежде ты, купчиха Настасья, поклянись, что всё, что увидишь да услышишь — никому не расскажешь, не повторишь! Побожись своим богом, иначе не буду с

твоей дочери усушку снимать!

— Христом Богом клянусь, ни слова не скажу! — Настасья истово перекрестилась — Христом Богом!

— Принесли мне воды студёной да полотно чистое. Поспешай!

Баба исполнила то, что ей велели. Миланья поставила ведро с водой у изголовья, смочила тряпку и стала осторожно протирать лицо несчастной. Потом положила ладони на её грудь; с губ знахарки стали слетать отрывистые слова на языке горного народа, к которому она принадлежала. Тело больной изогнулось, затряслось — порча противилась Миланье, цеплялась за девку, но заклятие знахарки было сильнее. Хорошо, что бабка научила завистливую девку только такому проклятию: ведь есть такие Черные Слова, которые ни смыть, ни сговорить нельзя — как сказаны, так свое заберут! Когда ритуал закончился, порченная девка, свесившись с ложа, застонала громко. Из её рта полилась чёрная густая жижа, попадая прямо в ведро. Когда рвота прекратилась, Миланья уложила её обратно.

— Хозяйка! Возьми ведро и убери подальше — чтоб никто не смог добраться, — велела она Настасье. — Не вздумай выплеснуть куда! Пусть стоит день, а назавтра поглядишь в воду — если чистая будет, то выплесни, но если чернь останется — жди до тех пор, пока не пропадет совсем. Поняла?

— Да-да! Поняла... — закивала в ответ купчиха. Помедлив, она спросила: — А Нюрка-то... как?

— Оклемается. Не сразу, конечно. Ты вели ей, чтоб поумней была. А как в гостях или на гуляниях есть и пить чего будет — пусть под пятку медь кладёт, это уберезет её.

Купчиха всё кивала в ответ, еще не веря в свершившееся счастье. Когда Миланья поднялась с ложа больной, то она дрожащей рукой протянула ей серебряную гривну.

— Мне гривен не надо, — отказалась Миланья, омывая руки в ковше. — Кун у тебя я не возьму. Хотя с таких богатеев и стоило бы. Но нет — не стану. Дай эти гривны лучше тем, кто от голода в твоём краю помирает. Уж больно многих зависть и злость разбирают при взгляде на ваше благополучие!

Сказав это, она покинула купеческий дом.

6. У РЕЧНОГО БРЕГА

Водовик ждал княжича Ростислава у полуночного побережья Волаги, в душистом сосновом бору.

— Соглядатаи сказали мне, что здесь пройдёт его отряд! От Торжка по Волаге они поднимутся, там на Днепрь хотят выйти, а от него уж на Десну и до Чернигова... — поговаривал боярин. — Ну, ждать я не буду, перехвачу я Ростислава здесь, у переправы. Другого пути у них нет!

С места засады были хорошо виден торговый путь, протянувшийся вдоль пологого речного берега. От главного торгового пути отходила узкая ухабистая дорога, ведущая к речной переправе. Здесь Волага заметно сужалась, мельчала, а течение было слабым; в этом месте переправлялись на противоположную сторону те, кому нужно было не теряя времени повернуть в сторону реки Днепрь. По разумению Водовика именно тут Ростислав и его отряд будет переправляться через Волагу — а нападение на переправе всегда на руку нападающим! Тем более что отряд вражеский невелик.

Меж древесными стволами то тут, то там сверкала пламеневшая гладь реки Волаги, отражающая уходящее за край земель светило. А за спиной сгущались сосновые дебри. И в

дебрях этих притаилась с две сотни воинов, которых боярину удалось собрать на новгородских и смоленских землях.

Сотня воинов была новгородская — та самая, что увёл с собою Водовик. Остальные копья* нашлись в смоленском княжестве, терпящим бедствия и разрываемым усобицей. То были волжские ушкуйники, явившиеся на зов князя Святослава Мстиславича, добивавшегося княжьего стольца. По смерти Мстислава Давидовича, князя Смоленского и друга Ярослава Всеволодовича, Святослав, приходясь покойному князю двоюродным братом, стал требовать власти. Народ в княжестве не принял Святослава и поднял мятеж, с которым своими силами тот справиться не мог. Вот и призвал он вольников-головорезов, чтоб помогли усмирить бунт и взять Смоленск; разбойники кружили по смоленскому княжеству, грабя край и выжигая веси. А Водовик — не будь дурак! — прикормиться головорезам предложил, пообещав большое вознаграждение, если помогут они отбить княжича Ростислава у малочисленной охраны.

Старательно боярин Водовик и его сообщники выглядывали на торговой дороге долгожданный отряд.

— Князь Ярослав, мож быть и умён и ловок, но сотворил он это дело как настоящий ветрогон! — посмеивался Водовик, делясь своими мыслями со Звягой Рудницей, вожакom волжских ушкуйников. — Княжича Ростислава отправить к отцу при такой слабой защите! Хотя, ясно, отчего так. Не его ж сын — да и Михайло Черниговского Ярослав добром не вспомнит за всё, что было. Вот, поди, оттого и не дал князь Ростиславу доброго сопровождения... А оно мне на руку!

Невысокий, но широкий в плечах, рыжебородый Звяга, чье лицо было рассечено толстым багровым рубцом, прислушивался к словам опального новгородского посадника, бросая в его сторону задумчивые взгляды. Взгляды эти скрывали за собой презрение, которое вожак ушкуйников питал к этому надменному и глупому боярину. Звяга не поддакивал Водовику, не отвергал его настойчивые утверждения, что победа будет легкой, его не интересовали домыслы посадника — его интересовал только княжич Ростислав и награда за него.

Боярин Водовик действительно ожидал легкой победы. Но при всём при этом, сердце его то и дело тревожно сжималось. Хоть и мнил он, что сможет обхитрить Ярослава, но мысль, что за ним открыта охота с повеления переяславского князя, страшила.

— Вот и они!

Действительно — на неровной, узловатой дороге появился конный отряд, в центре которого ехал княжич Ростислав Михайлович. Отряд был, как и обещали соглядатаи, небольшим, около трех дюжин ратников. Приглядевшись, Водовик заметил и то, что сопровождали Ростислава совсем молодые, еще не обросшие бородами воины, почти мальчишки.

— Ну и сплеховал же князь Ярослав! — обрадовался Водовик. — Этих свалить — что раз плюнуть!

Но Звяга Рудница в ответ возразил:

— Зря радуешься, боярин. Ловушка это.

— С чего взял?

— С того, что и дурню это будет понятно, — вожак ушкуйников ткнул грязным пальцем вдвигающийся по дороге отряд. — Неужто князь Ярослав, зная, что ты неподалеку, отправил бы княжича при такой охране? Ясно, что ловушка. Тебя князь хочет выманить и схватить.

Видно, за этими птенцами идет скрытно подкрепление и дожидается, когда ты, Водовик, нос свой из укрытия покажешь!

Радость сошла с посадника.

— Что ж делать, если всё так? — пробормотал он.

Вожак ушкуйников, поглядев на струхнувшего Водовика, брезгливо поморщился. Подняв руку, он дал знак своим людям. Притаившиеся в сосновом бору воины приготовились к нападению. Звяга Рудница выжидал, когда княжеский отряд приблизился к месту засады как можно ближе.

— Главное — княжич! — сказал он. — Хватайте мальчишку и отходите, не теряя времени.

Звяга издал пронзительный клич, призывая воинов к атаке. Конные новгородские воины первыми вылетели из лесной чащи — отборная сотня ринулась на отряд, охранявший княжича Ростислава. Следом за конниками выбегали пешие ушкуйники — размахивая топорами и короткими мечами. Воины князя Ярослава, однако, не растерялись. Они были готовы к внезапному нападению. Увидев врагов, выскакивающих из леса, воины стремительно перестроили конные ряды и выставили щиты и копья.

— Значит и в самом деле ловушка, — задумчиво проговорил Звяга Рудница, увидев поведение ярославовых воинов. Он остался в лесу, где собирался дожидаться развязки.

Конные воины Водовика были уже совсем близко, и готовились смести со своего пути небольшой отряд, когда в стороне раздался тугой и громкий звук боевого рога. Несколько стрел просвистели в воздухе рядом с первыми нападавшими.

Хорошо вооруженный переяславский отряд под старшинством Алдопия, выйдя из прикрытия, мчался наперерез новгородским конникам и разбойникам. Кони летели над землей, почти не касаясь её копытами, и лишь пыль поднималась тучами.

— Отходить надо, если ловушка! — вскричал боярин Водовик, хватаясь за узду своего пегого коня.

— Отходить? — бывалый рубака Звяга зло усмехнулся в его испуганное лицо: — Рано отходить! Пока не вижу я причины. Вот столкнутся меж собой, тогда и ясно станет, на чьей стороне сила и кому отходить!

Тем временем две силы столкнулись близ речного берега. Первые ряды конных воинов тот час перемешались меж собой, затрещали древки копий, зазвенела каленая сталь. Первые убитые, обливаясь горячей кровью, упали на землю. Нападающая конная сотня, встретившая удар разогнавшихся ярославовых воинов, дрогнула, и попятилась назад. Но отступала она недолго: почувствовав поддержку подроспевших пеших ратников, конница остановилась и снова приняла удар. Конные воины рубились мечами и копьями, прикрываясь щитами, пешие же топорами на длинных древках старались свалить лошадей. Воины князя Ярослава сражались и с конными ратниками и с пешими; ушкуйники кидались под морды коням и топорами подсекали им ноги, наездники валились на бок вместе с животным и тут же получали смертельный удар.

Кровавая схватка становилась всё яростней.

— Вот оно как! — Звяга указал на месиво из воинов и коней. — Конных у них поболее, но наши пешие медведя голыми руками завалят. Гляди, как схлестнулись!

— Но где княжич Ростислав? — бывший посадник вытягивал шею, пытаясь хоть что-то разглядеть меж сражающихся воинов.

— Сейчас я привезу его, — и вожак волжских ушкуйников забрал у Водовика поводья и

запрыгнул на пегого коня. Звяга поправил брони на груди, крепче сжал свой тяжелый кованный топор и двинулся к месту схватки. Он не поехал в самую гущу битвы, а направил коня в обход, справедливо полагая, что Ростислав и несколько его телохранителей оттеснены сражением на самую кромку речного берега.

Боярин Водовик, оставшись в одиночестве, спрятался за дерево. Водовик, тот самый Водовик, что бесчинствовал в Новугороде, без стыда грабил и убивал, кого пожелает — сейчас не мог унять дрожи в коленях.

— Хватай его! — скомандовал в следующее мгновение решительный мальчишеский голос.

Не успел Водовик сообразить, что же случилось — как несколько ратников бросились на него и скрутили руки. Бывший новгородский посадник, хрюкнув от тяжести тел, навалившихся на него, не удержался на ногах и упал на землю, веревка тут же обхватила ему запястья.

— Попался!

Александр, помня отцовый наказ, не бросился вместе с прочими воинами на ораву, собранную Водовиком. Однако без дела тоже не остался: заприметив, откуда появились враги, он вместе с дюжиной своих охранников углубился в лес и нашел одинокого Водовика. Тот, за кем охотился отец Александра, оказался в руках так просто!

— Не убейте его. Он должен предстать перед князем, — велел княжич.

Водовик что-то отчаянно завопил и принялся яростно ерзать по земле. Однако крепкий удар кулака выбил из него охоту сопротивляться. Александр тем временем уже приглядывался к схватке на берегу озера и кусал себе губы. Кровь в его жилах кипела, сердце бешено стучало — всё его существо рвалось туда, где жестоко сцепились между собой воины, где лилась кровь. Мусуд, угадав намерения своевольного княжича, вовремя схватил его вороного коня под узды.

— Не вздумай, Олекса! — сказал татарин. — Нельзя тебе рисковать собой. Князь не велел!

Княжич Александр бросил на телохранителя темный взгляд, но ничего не ответил, а Мусуд продолжал крепко удерживать поводья. Пришлось княжичу остаться на месте. Несколько воинов тем временем бросили связанного Водовика поперек седла и старательно примотали его к лошадиному крупу — чтобы не упал во время езды.

— Эй, Мусуд, — окликнул один из дружинников. — Ты глянь! Этот рыжий татник везет Ростилава!

Действительно — Звяга, направляясь к лесному убежищу, вез на своем седле перепуганного княжича Ростислава. Он отбил мальчишку у охраны и теперь, не подозревая, что Водовик уже пленен, возвращался назад.

— Он мой! — выпалил Александр, выхватывая подаренный ему Мусудом турецкий лук. — Сейчас этот рыжебородый полетит с седла...

— А если промахнешься? Если попадешь в Ростислава? — попытался помешать ему кормилец, но Александр его не слушал.

— Не велика будет потеря, — произнес он холодно и Мусуду в этот миг показалось, что перед ним не Александр, а его отец Ярослав.

Княжич спустил тетиву.

Рыжебородый ушкуйник покачнулся, когда стрела впиалась в его горло, в то незащищенное место между подбородком и воротом кольчуги. Продержался Звяга после

меткого выстрела недолго — завалившись назад, он выпустил поводья и рухнул на землю. Упав, он не шевельнулся более. Княжич Ростислав остался в седле, но от ужаса ничего не предпринимал, беспомощно тараща глаза. Александровы телохранители подскакали к нему, взяли конские поводья и отвели коня и его наездника в лес.

Сторонники Водовика и ушкуйники, увидев, что Звягу свалили стрелой, растерялись и стали отступать. Первыми побежали ушкуйники — рассыпавшись по берегу, словно горох на столешнице, они кинулись в сосновый бор, ища убежища. Поредевшая новгородская сотня еще сражалась — помня о воинской чести. Однако заседавшие переяславские дружинники быстро рассеивали их и было件нятно, что исход битвы предрешен.

Александр хмурился, размышляя о чем-то, потом оглянулся на татарина:

— Мусуд, труби в рог! Пусть прекратят сечу.

— Да ты что, княжич! — воскликнул телохранитель. — Добить их осталось — раз плюнуть.

— А зачем добивать? Это лучшие новгородские вои, каждый из них золотом ценится. Их не убивать надо, а заставлять нам служить, — ответил княжич. — Труби в рог!

Делать нечего — хоть отрядом и заправляет старшой, но сын князя — всегда сын князя. Мусуд приложился к рогу. Звук рога поднялся до вершин сосен, загудел на берегу, заставив сражающихся приостановиться. Воины князя Ярослава, решив, что дан сигнал к отступлению — развернули коней и покинули поле боя. Александр, окруженный охраной, направил своего скакуна им навстречу.

— Почему не велел добить их, княже? — спросил старшой отряда Алдопий, когда их кони поравнялись. Хоть Александр и дал слово отцу, что будет ниже травы и тише воды, однако властные замашки княжича понуждали Алдопия отступать перед Александром.

— Добрый воин всегда пригодится, — сказал Александр, кивая на новгородских конников, оставшихся на поле боя. — Я говорю от имени отца. Вот если откажутся сдаться и служить — всех перерезать. За мной!

— Стой! — Мусуд вновь перехватил коня княжича. — Не вздумай к ним приближаться сам. Кто их знает! Не мечом — так стрелой достанут. Пусть старшой идёт или же я.

Александр хотел возразить, но понял, что тот прав, да и не дело князя идти миром мирится со смутьянами. Тогда княжич указал на старшого Алдопия — пусть он идёт к ним и договаривается. Старшой, хлестнув коня, поспешил к месту битвы. Новгородские воины, не зная, что их ждёт, настороженно наблюдали за возвращением врагов и держали оружие наготове. Алдопий остановил коня и поднял вверх правую руку, давая знак, что будет говорить.

— От имени князя Ярослава Всеволодовича! Сложите оружие и к вам проявят снисхождение. Вы не погибнете и будете служить князю Ярославу верой и правдой. Сложите оружие!

Долго длилось молчание. Затем гордые новгородцы крикнули в ответ:

— Знаем мы, как Ярослав держит свое слово! Верить ему нельзя! Что так умрем — обманутые и повешенные, что так — бою, но уж лучше в бою, чем как собаки! Хватит медоточить, сражайтесь!

Старшой оглянулся назад, на Александра. Княжич сидел прямо, на его юном лице застыло каменное выражение. Мусуд видел, что Александр взбешен словами новгородцев — они оскорбили его отца! Татарин был уверен, что сейчас остатки мятежной конной сотни будут атакованы, но ошибся:

— Мусуд, дай мне подъехать и сказать им! — обратился к нему княжич.

— Прости, княже, но — нет, — ответил Мусуд, покачав головой.

Следующий миг для него слился с яркой вспышкой света, резкой болью и потрясением от осознания того, что Александр ударил его. Хлестнул витнем по лицу, углом задев глаза, отчего и сверкнули звезды в голове Мусуда! Ловко так ударил, неожиданно — наставник и заметить не успел!

— Олекса! — вскричал Мусуд, ослепнув на правый глаз, а вторым как сквозь туман видя удаляющегося княжича. Чужая, как горячая кровь течет по щеке, татарин прищорил скакуна, но нагнал его только тогда, когда Александр уже поравнялся с Алдопием.

Княжич вскинул вверх руку и заговорил:

— Слушайте, храбрые новгородцы! Имя мое Александр Ярославович, я сын князя Ярослава Всеволодовича. Говорю вам от имени своего отца: к смерти приговорены лишь те, что бесчинствовали на этих землях, грабили и жгли — вы же, достойные воины, защитники своего отечества — ни в чем не повинны! За что вы желаете принять смерть? За грехи трусливого боярина Водовика? Хватит с него и его собственной смерти, когда предстанет он перед моим отцом! Вам же — лучшие новгородские мужи — нет нужды нести кару! Вот вам слово князя: вас не призовут к ответу, если сложите оружие сейчас, признаете власть князя Ярослава и будете служить ему верой и правдой! Я так сказал!

Услышав голос Александра, новгородские конники растерялись — они не ожидали, что в нападающем отряде будет сын князя Ярослава. Бесстрашие княжича удивило их — он подъехал так близко, что его можно было сразить стрелой! И на то были причины: сколько бед его отец принес этим землям, сколько горя! Убей они сейчас Александра — жестокий Ярослав на себе бы испытал то, что терпели новгородцы, хороня невинных младенцев и отроков, скончавшихся от голода!

Но Александр предлагал мир и прощение! Если княжич сейчас погибнет от их стрелы — им никогда уже не вернуться в родной Новгород, не увидеть дома и милых сердцу людей... В конце-концов кто-то из конников крикнул:

— Даешь слово князя?

— Слово князя! — крикнул в ответ Александр, так, чтобы его все услышали.

Новгородцы переглянулись меж собой. На землю упали мечи, копья, луки и колчаны со стрелами.

— Сдаемся на милость князя!

Лицо Александра просветлело, он кивнул Алдопию — давая понять, что дальше должен распоряжаться старшой. Алдопий дал знак и переяславские ратники направились к противникам, чтобы собрать брошенное оружие. Новгородцы не сопротивлялись, ожидая, что им прикажет победившая сторона.

— Солнце село, — заметил княжич, поглядев на небо. — Ночевать придется на полдороге.

Он повернулся к Мусуду и замер как громом пораженный. Татарин остановил своего коня вплотную к нему, но не пытался силой оттащить Александра на безопасное расстояние; он просто замер за спиной мальчика с напряженно вытянутой рукой — готовый стремительно схватить княжича и, уберегая от вражеской стрелы, перебросить на свое седло. Лицо и шея Мусуда были окровавлены. Лоб, переносица и щека были рассечены ударом, один глаз, полуприкрытый разорванным веком, вспух и был так залит кровью, что нельзя было понять, что от него осталось. Но Мусуд не пытался остановить кровь, он не думал о

ране, он думал только об Александре!

— Мусуд! — выдохнул княжич. Он ударил кормильца в порыве гнева, который, вспыхнув, застлал Александру разум, понуждая добиваться желаемого любым средством. В тот миг он был готов убить Мусуда, если тот встанет у него на пути! Но это было в тот миг! А сейчас...

Сейчас Александр, видя рану Мусуда, побледнел, чувствуя ужас перед собственным поступком.

Ночевать и вправду пришлось на полпути к Торжку.

Старшой приказал отряду остановиться у разоренной веси кривичей, где после мора и ушкуйничих набегов не уцелела ни одна душа — остались только черные ямы на месте землянок с клочками вереска и гнилой соломы. Алдопий расставил дозор вокруг становища, позаботился о том, чтобы Водовик был надежно окружен да и новгородские ратники были под надлежащим присмотром.

Ярославовы дружинники расседлали коней, развели костры, пристроили котелки. Над становищем вскоре завитал запах жирной похлебки, радующий всякого, кто пережил нелегкий, полный опасностей день. Мужики переговаривались меж собой, добродушно посмеивались, хлебая похлебку — не забыв накормить и примкнувших к отряду новгородцев.

Александр сидел у костра молча, стороной от всех. Он вперился взглядом в огонь, не в силах видеть Мусуда, устроившегося неподалеку. Поджав ноги под себя, Мусуд устроился на земле; изредка грязной скомканной тряпицей промокая рану на месте глаза, продолжающую кровоточить, татарин меж тем прихлебывал сытное варево из деревянной плошки, отмахивался от мошкары, и порою перебрасывался словом-другим с кем-нибудь из мужиков. Он держал себя так, будто бы и не случилось ничего! Будто и не хлестнул его Александр витнем на виду у отцовских воев — словно Мусуд был каким-то холопищем, а не кормильцем и телохранителем!

Сделанного не воротишь! Натворил Александр дел: Мусуда унизил, слово быть послушным, данное отцу, напрочь позабыл... Впрочем, княжич твердо знал: кормилец будет защищать его перед Ярославом несмотря ни на что. Знал и то, что Мусуд никогда не припомнит ему случившегося и останется ему наставником и верным охранителем. Но от знания этого было так тяжело и тошно, что хотелось Александру сунуть руку в огонь, чтоб болью затмить мучавшие его мысли!

Вымолвить бы хоть что-нибудь, признать злую ошибку, средоумность свою, горячность! Да не умел княжич говорить слов раскаяния, не учили его им, не требовали с него этого никогда.

— Олекса, похлебка стынет, — сказал Мусуд, заметив, что мальчик не притронулся к своей еде. — Поешь, сил набирайся.

Александр сжал зубы, сделал вид, что не слышит его.

Во тьме за пролеском, со стороны торговой дороги, послышались лошадиное ржание, скрип колес и собачий лай. К становищу выехала, подпрыгивая на кочках, старая повозка запряженная худой клячей, вокруг которой вился взъерошенный полудикий пес. Из большого деревянного короба на повозке выглядывали чумазые лица детей и женщин, рядом шагали несколько крепких юношей.

— Эй! Чего потеряли здесь, оборванцы? — крикнули дозорные. — Чего во тьме шарашитесь?

Кляча остановилась и шумно фыркнула. Из короба выбрался старик в лохмотьях — кривой, тощий и такой косматый, что не мудрено его было принять за лешего. Старик поклонился подошедшему Алдопию и заговорил певучим голосом:

— Исполать вам! Пришли на огонек, добрые люди! Скоморохи мы — вольный народ, народ веселый — живем на дороге, идем куда глаза глядят, едим, что бог пошлет! Пустите к огоньку обогреться!

Алдопий нахмурился:

— Идите-ка вы, народ веселый, лучше туда, куда вас бог послал.

— К вам и послал, — живо отвечивал старик.

Старшой бросил коротко дозорным: «Гнать их в шею!» и пошел обратно к костру. Дозорные криками, пинками и тяжелыми оплеухами стали выпроваживать незваных гостей. Дети в коробе завыли, пес бросился на обидчиков, захлебываясь в бешеном лае. Когда Александр спросил Алдопия, что за шум там такой, тот пожал плечами:

— Ходят тут шатуны всякие, сраму не имут, обогреться просят. Велел гнать.

— Отчего так? — удивился княжич. — Нам разве холоднее станет, если и они погреются? Кто они?

— Говорят — скоморохи.

— Скажи дозорным, пусть пропустят их к костру, — распорядился Александр. — От нас не убудет.

Алдопий, хоть и был недоволен этим решением, встал и отправился выполнять его. Нищих скоморохов допустили к огню, велел вести себя потише, по становищу не ходить да воинов разговорами не донимать. Гости, благодарные за приют, никому не мешали: рассадили детей обогреться, достали сухари и, запивая кипятком, принялись их жевать. Переяславские дружинники, пожалев их, отдали котелок с остатками похлебки.

— Благодарствуем, добрые люди! — косматый старик низко склонил голову. — Чем порадовать вас за доброту? Быличку рассказать, песней развлечь?

— А чего нет? Развлеки!

Старик поглядел на звездное небо, улыбнулся загадочно и, прочистив горло, запел:

Спой нам, песня-песенная, спой!

Про дела минувшие — стародавние!

Поведай быличку как Владимир-князь,

Как Владимир-князь, Ясно Солнышко,

Полюбил-то красну девицу!

Как посватался наш Володимир-князь

Ко княжне, да к Рогнеде-то полоцкой.

К девице ликом дивно-прекрасной,

К девице важной и баской!

Но отец Владимиру дочь не отдал,

Он рабом и холопищем князя назвал!

Огневился Владимир тогда, осерчал,

Княжество полоцкое поднял на меч —

Обидчикам должно мёртвыми лечь!

Мёртвецом и полёг полоцкий князь,

Над Рогнедой взял Владимир власть!

На победном пиру Владимир изрёк:

«Невеста плоха — то мне урок!
Други-соратники, верные мне!
Другую невесту доставьте ко мне!»
«Найдём, князь, невесту, дай только срок -
Землю прочешем, просеем песок!»
Богатыри-то Дунай и Добрыня
По свету отправились невесту искать.
Долго ль время шло, да и вышел срок!
Воротились богатыри славные -
Привели невест в терем княжеский.
Со всего-то свету девицы-красавицы.
Да и было их — что глазам не счесть.
Поклонилися князю Добрыня, Дунай —
«Исполнили долг, теперь выбирай!
И знатные есть и приятные станом.
И бедноватые и с богатым приданным».
Богатырям Владимир повелел:
«Красивых давайте, всего-то дел!»
Княжьи вои тогда невестам сказали:
«Кто хочет за князя? Красавиц он ждёт!
Кто щедро одарит — тот и пройдёт!»
Вот невесты златые украшенья снимают,
Дуная с Добрыней они одаряют.
Одна лишь Апраксия стоит в стороне:
«Не быть тому, чтобы мне
За красу приплачивать пришлось!
Не бывать тому, други милые!»
Засмеялись Добрыня с Дунаем:
«Оставайся одна! А мы невест доставляем!»
Вышли невесты, пред княжьими встали очами,
Владимира они развлекали речами.
Но не выбрал из них князь ни одной:
«Нет тут девицы, желаемой мной!»
Когда ж стали невесты домой собираться,
Апраксия к князю пришла попрощаться.
Увидел Владимир девицу такую!
Увидел Владимир красу неземную!
Подошел он к Апраксии, гордой девице,
Подошел он к Апраксии и подал десницу:
«Будь супругою моею!
Владей всем тем, чем я владею!
Верна будь и честна — клянись мне в этом!
Роди мне сыновей, как велят заветы!»
Белы руки ему подала свет-девица -
И будто взмахнула крыльями птица:

«Клянусь, не будет на всём свете -
Клянусь и буду я в ответе, -
Верней супруги и честней!
Подарю тебе я сильных, храбрых сыновей.
Ты будешь надо мной главою -
И в один умру я день с тобою!»
Спой нам, песня-песенная, спой!

Про дела минувшие — стародавние!... — закончил старик-скороморох запевом, положил руку на грудь и перевел дыхание.

Люди вокруг молчали — слыша отголоски прекрасного пения где-то в ночном лесном чреве и под куполом небес. Александр, прислушивавшийся к скомороху, не заметил приближения Мусуда. Княжич вздрогнул, когда кормилец накинул на него походный плащ, заботливо расправив складки на плечах.

— Холодает, Олекса, — только и сказал Мусуд.

Кормилец хотел было вернуться на свое место, но мальчик удержал его, положив свою ладонь на его мозолистую руку. Заглянув в лицо княжича, кормилец без слов понял всё, что творилось в душе Александра. Сжав его ладонь, Мусуд прошептал:

— Забудь, Олекса. Забудь!

Когда по полудню следующего дня отряд въехал в Торжок, Ярослав сам вышел встречать их. Стоя на широком крыльце, надвинув расшитую золотом и отороченную богатым мехом шапку на высокий лоб, князь пристально оглядывал прибывших. Он не сразу отыскал взглядом сына, нечаянно затерявшегося в числе ратников, увидев же Александра целым и невредимым, Ярослав с едва различимым облегчением перевел дух.

Алдопий, соскочив на землю, тут же согнулся в поклоне:

— Милостливый княже! Воля твоя исполнена!

— Приметил, приметил!.. — медленно ответил Ярослав, чье лицо при виде связанного боярина Водовика приняло хищное выражение. — В поруб его немедля!

— Милостливый княже! — продолжил Алдопий, когда Водовика уволокли двое крепких слуг. — Разоружили и воротили мы так же новгородскую сотню, что этот боярин самовольно увел с собою. Вои они славные, храбрые, каждый из них трех мужей стоит! Все они хотят служить тебе и повиноваться и ждут, когда разрешишь ты их судьбы!

Ярослав, не скрывая удивления, усмехнулся:

— Неужто вернуть удалось?

— Да, мой княже, они здесь.

— Что же! Любы мне богатыри, дороги умелые ратники! Коли воротились и служить желают — принимаю в свою дружину. Вот мое слово князя!

Князь дал знак Торопке Меньшому подойти и сказал:

— Пересчитай новгородских ратников, а затем проследи, чтоб каждого хорошо на постой устроили да заботой не обделили. Оружие им вернуть и определить в старшую дружину. Все ясно?

— Ясно, княже! Будет исполнено, — кивнул преданный гридник.

У новгородских конников отлегло от сердца при этих словах. Значит, не обманули их, сдержали слово!

Александр, нарочно выжидавший, когда отец решит судьбу ратников, вышел к крыльцу и почтительно склонился пред Ярославом. Тот едва заметно кивнул ему и обратился снова к

Алдопию:

— Как показал себя мой сын? Слушался ли приказов?

Старшой, не в силах лгать, но и боясь поведать правду, смешался и потупил взор.

— Почему молчишь? — Ярослав прищурился сначала на него, следом на княжича. — Что скажешь ты, Александр? Сдержал ли ты слово, данное мне? Тоже молчишь?... Где твой кормилец? Мусуд!

Лик Мусуда, выступившего вперед, заставил Ярослава надолго замолчать. Помрачнев, князь обвел взглядом находящихся во дворе дружинников, мимоходом зацепив безучастного ко всему княжича Ростислава, затем снова впился в три виноватые фигуры.

— Позволь, князь пресветлый, мне рассказать всё и по порядку... — заговорил Мусуд.

— Отчего же ты один собираешься рассказывать? Прямо сейчас и будете все вместе меня речами тешить, — оборвал его Ярослав жестко. — А я послушаю!

В горнице Ярослав заставил сына сесть рядом с собою, а Алдопия и Мусуда поставил перед лицом и каждого из них пристрастно допросил. Пришлось кормильцу и старшому выложить все как было — без утайки. Мусуд, желая выгородить Александра, к рассказу своему прибавил такие слова:

— Глупец я, человек неразумный! Александр замыслил мудрое и благородное дело, а я, как ишак, уперся и помешать ему вздумал. Слава богу, княжич огрел меня как следует витнем, чтоб разум ко мне вернулся! Поделом мне! Тебе, князь Ярослав, следует наказать меня за мою оплошность, чтоб впрок было.

— Наказать, говоришь? — переспросил князь спокойно.

— Да, княже, — подтвердил татарин.

— Ну что, Олекса, скажешь? — Ярослав повернулся к Александру. — Правду он говорит? Наказать мне Мусуда?

Княжич не отвел глаз в сторону и без страха ответил:

— За хорошую службу не наказывают, а одаряют. Мусуд ни в чем не виноват.

— Стало быть, Алдопий — виноват?

— Нет. Только я.

— Милостливый княже!... — попробовал было Мусуд что-то возразить, но Ярослав жестом велел ему замолчать.

— Ты схватил боярина Водовика, вместо того, чтобы тихо сидеть в засаде, после чего самовольно приказал трубить в рог — дабы прекратить сечу и ударил Мусуда, когда он хотел помешать тебе сблизиться с врагом и надавать клятв по моему имени, которые ты не имел свободы давать? Так было?

— Так, — кивнул мальчик. — Всё так.

Князь задумался на миг, потом приказал Алдопию и Мусуду выйти, затворить дверь и никого не пускать в горницу. Мусуд, побледневший от тревоги за Александра, медлил, не решаясь оставить княжича наедине с грозным отцом.

— Мусуд, тебе княжеское слово не указ?! — вскричал на него Ярослав. — Ступай вон!

Когда дверные створы за Мусудом закрылись, Ярослав поднялся с резного кресла и прошелся по горнице, заложив руки за спину. Сидеть, когда князь-отец стоит в полный рост, было непочтительно, поэтому Александр тоже встал — серьезный, готовый выстоять перед отцовским гневом и принять наказание.

— Сдается мне, я давал тебе, Олекса, слишком много свободы! — начал Ярослав ровно. — Ты думаешь, когда ты на волка ходил охотой — мне сие по душе пришлось? Быть

может, ты решил, что — будь я в вотчине — то позволил бы тебе идти на него, пусть и в окружении хранителей и охотников? Ты так думал, а?

— Думал, — признал княжич.

— Зря думал! Я не стал тебя корить за самовольство тогда и ты возомнил, что можешь поступать как пожелаешь и впредь? Так?

Александр промолчал в ответ — ему нечего было сказать. Сказать «нет» — значило солгать, сказать «да» — усугубить вину.

— Ты дал мне слово, — напомнил Ярослав. — Ты обещал!

— Прости, отец, — пробормотал княжич и, наконец, не выдержав тяжелого отцовского взгляда, опустил голову. — Прости меня!

Ярослав приблизился к сыну и сделал то, чего тот никак не ожидал: ухватив за плечи, притянул к себе и крепко обнял. Пораженный Александр замер, уткнувшись носом в широкую грудь отца и слыша биение его сердца: никогда Ярослав не обнимал своих сыновей! Выросший без ласки Александр и не ждал её, приученный довольствоваться холодным вниманием и редкими похвалами за заслуги.

— Сын! Сын! — глухо произнес Ярослав.

Порывисто вздохнув, князь отстранил Александра так же резко, как и заключил в объятия. Отступив, Ярослав вернулся в кресло, поглядел на княжича из-под нахмуренных бровей и сказал:

— Потому только не накажу тебя — что сообразил ты про новгородскую сотню весьма удачно. За смекалку тебя хвалю. Но учти, Олекса, ежели еще раз нарушишь данное мне слово — взбучку всю оставшуюся жизнь помнить будешь! Уразумел ли?

— Уразумел, отец, — тихо ответил княжич.

— Теперь ступай. Отдохни, сил набирайся.

Александр всё глядел на отца широко распахнутыми глазами и не сразу двинулся с места. Он был так взволнован, что кружилась голова; душа рвалась к отцу — в его объятия, чтобы снова ощутить то неожиданное тепло и силу рук. Эта вырвавшаяся у Ярослава искра чувств, поразила Александра: значит, отец любит его?

— Ступай уже, не стой истуканом, — повторил веление князь Ярослав.

Княжич склонился в поклоне, повернулся и вышел из горницы. Ничего не замечая вокруг себя, Александр прошел по терему, вышел на крыльцо и остановился там. Его окликнул Мусуд, но мальчик не обратил на него внимания и взглянул на татарина только тогда, когда тот в беспокойстве схватил его за руку.

— Ты чего, Олекса? — спросил Мусуд озабоченно. — Будто сам не свой!

Александр покачал головой и произнес спокойно:

— Ничего, Мусуд. Не тревожься.

Возвращение в сознание было для Звяги Рудницы мучительным.

Семь дней вожак ушкуйников находился между жизнью и смертью, плутая в лабиринтах потустороннего мира, окутанного сизым туманом и полного неясных звуков. Звяга видел в тумане то неподвижные каменные изваяния, замершие в вечности, то живых людей, движущихся, охваченных стремлениями, желаниями и не замечающими того, что они блуждают в липком и бесконечном сизом мареве. И сам ушкуйник плутал, не ведая дороги, пока, наконец, туман не стал рассеиваться, освобождая его — и Звяга вспомнил всё...

...Вспомнил, как, перебросив заплаканного княжича Ростислава на своё седло, он направил коня к лесной чаще, где скрывался боярин Водовик. Мальчишка не сопротивлялся

и Звяге казалось, что дела его обстоят как нельзя лучше. Еще немного — и он скрылся бы за спасительными деревьями! Но горло вдруг пронзила такая неожиданная и оглушающая боль, что все мысли разом вылетели из головы Звяги Рудницы. Кровь ударила в нос, пеной забурлила в горле, не позволяя сделать и крохотного вдоха, тело стало непослушным, будто тряпичным и Звяга бессильно вывалился из седла. Он лежал на земле, не чуя ни рук ни ног... А потом — тьма, глубокая, всепоглощающая...

«Неужто я жив?» — подумал Рудница, едва разлепив веки. Над его головой находился полотняной полог, чувствовалась легкая качка и плеск воды.

— Ну что? Погостил на том свете, решил к нам воротиться? — раздался добродушный бас. Над Звягой склонился Илька Бык, исполинского роста ушкуйник, ударом кулака вбивавший гвозди в дерево, а врагов — в землю. Большим умом Илька не отличался, но ратоборствовал отменно — за что Звяга им особенно дорожил и называл другом.

Вожак ушкуйников попробовал было выдать из себя слово, да чуть не задохнулся от боли.

— Э-эй! — покачал головой Илька Бык. — Ты, батя наш, говорить пока не вздумай. Стрела тебе горло насквозь пробила, только чудом ты дышать не перестал! Вот заживет — тогда и наговоришься... Эх, батя, почему ж меня рядом с тобой не было, а?

Действительно, там, на речном берегу, где зацепила Звягу коварная стрела, Ильки рядом с ним не было. Три многовесельных ушкуя, старшим над которыми Ильку Быка поставил Рудница, задержались в низовьях Волаги; там Илька по поручению вожака распродал то, что ушкуйники нажили разбоем.

— Был бы я там — всё б по-нашему получилось, — вздыхал Илька. — Все ж думали, что тебя насмерть свалило! Выждав, когда князь и ратники уехали с княжичем и Водовиком, ночью братья-ушкуи тебя нашли, чтоб предать земле по-божески. А ты жив еще! Оттащили они тебя на ушкуй, стрелу вынули да рану перевязали. Три ночи назад и я подоспел — с тех пор и сижу рядом с тобой, караюлю. Эх, батя, батя!

Звяга Рудница пошевелил рукой, и, убедившись, что она его слушается, поднял её, желая в знак благодарности возложить её на голову преданного слугу. Илька, поняв намерение вожака, со слезами взял его ладонь и прижал к своему лбу. Затем Звяга выразительным жестом указал на свою рану.

— О ней спрашиваешь? — Илька достал два обломка стрелы: один с красивыми соколиными перьями, другой с длинным изящным наконечником из каленой стали. — Это она-родимая тебя, батя, свалила. Сразу видно: особенная, бронебойная, убить подобной — как клеймо именное поставить! Такие стрелы себе только богачи позволить могут. Ушкуи сказывали, что во вражеском отряде сын переяславского князя Ярослава был — молокосос еще, но с тем еще ратным норовом! Только он тебя, батя, такой стрелой мог подрезать!

Вожак взял у него обломок стрелы, не сводя с неё взгляда.

— А Водовика князь повесил, — продолжил Илька Бык. — Прямо в Торжке вздернул — так соглядатаи сообщили.

Судьба боярина Водовика Звягу не волновала — он думал о сыне князя Ярослава. Всю жизнь он, вожак ушкуйников, провел в ратоборстве: ходил на ушкуях по Волаге, по Хвалынскому морю, без страха бился, грабил, огнем жег, кровь лил — за то ему и дали прозвище «рудница», что значило «кровавый». За то и знали его — Звягу Рудницу — и на русских землях, и на болгарских, и на персидских! Сколько противников — сильных, умелых, коварных — восставало супротив него! И каждого Звяга уважил — кровь пустил да

на тот свет отправил. А тут... Какой-то мальчишка! Пусть даже княжий сын, но всё-таки слабый и неопытный мальчишка!

«Всеми богами клянусь, — думал с ледяной яростью Звяга Рудница, — что найду этого выродка княжеского рода. Найду, и — пусть небеса будут свидетелями! — верну ему этот должок. Да еще надбавлю сверху за просрочку! Этот молокосос, считай, уже мертв — и только по ошибке его сердце все еще бьётся...»

----- КОНЕЦ ПЕРВОГО СКАЗА -----

Больше книг на сайте - Knigoed.net